

Илья ХЕГАЙ

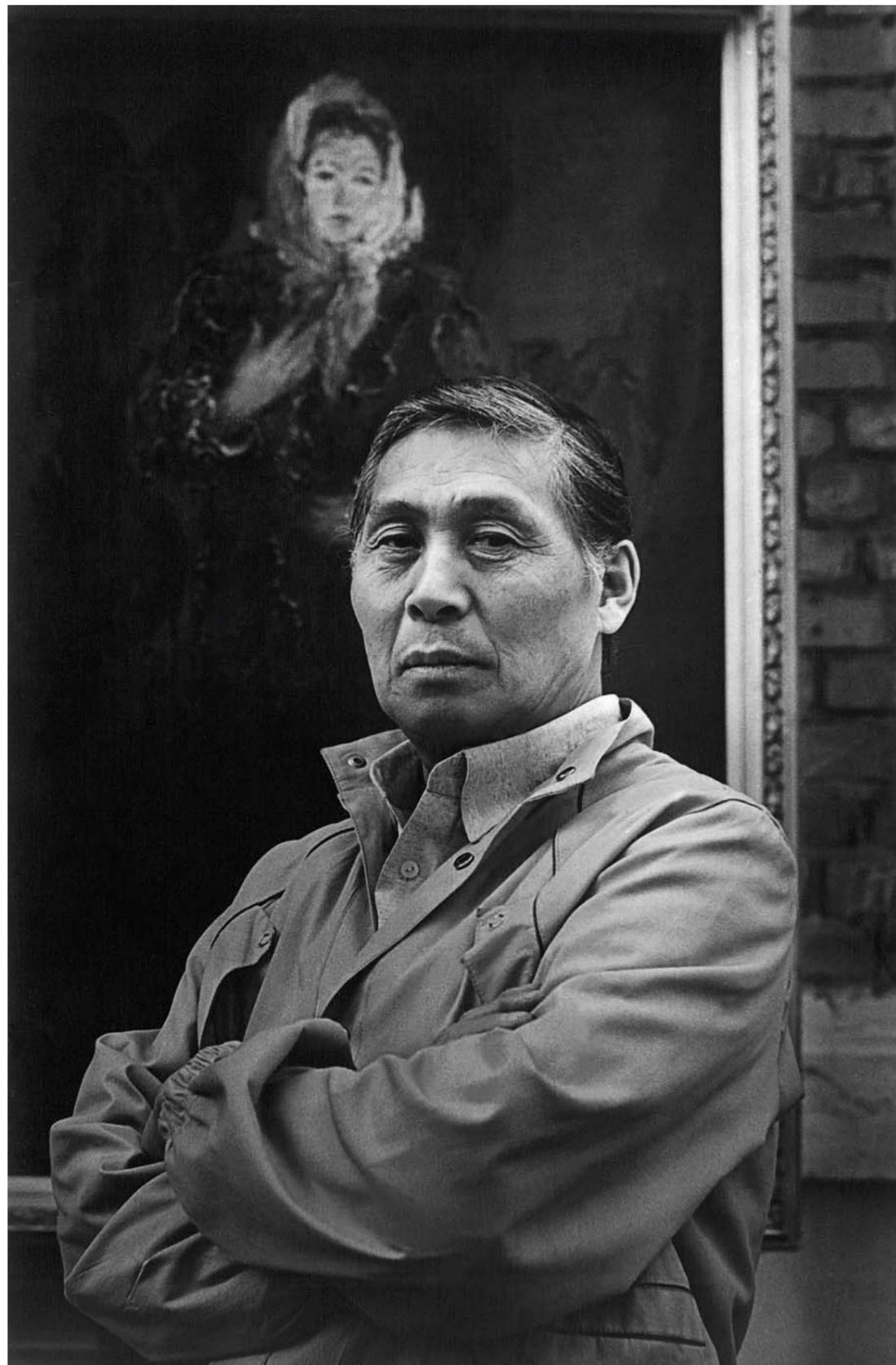

И.Хг 87г

U. H.

Илья ХЕГАЙ

(1930–2011)

Илья ХЕГАЙ

ЖИВОПИСЬ

Металлоинвест
ОЭМК

г. Старый Оскол
2015 год

ББК 85.143 (2Рос—Рус) 6яб1

Составители: А. Н. Анпилова, Н. В. Стахурская.

Руководитель проекта: М. В. Каширин.

Текст: В. В. Нещумов, А. Н. Анпилова.

Дизайн, макет, компьютерная вёрстка: Н. В. Стахурская.

Фотосъёмка картин и этюдов—В. А. Воронов, Н. В. Стахурская, К. С. Кнышев, А. А. Белашов.

Корректор: Т. И. Карапетян.

X 35 **Илья Хегай. Живопись:** альбом / сост.: А. Н. Анпилова, Н. В. Стахурская. — Старый Оскол: Металлоинвест ОЭМК, 2015. — 216 с.: ил.

ББК 85.143 (2Рос—Рус) 6яб1

Издание осуществлено при содействии А. А. Угарова и финансовой поддержке компании «Металлоинвест».

Благодарим за предоставленные материалы и помощь в подготовке альбома семью Хегай, Т. Г. Брыжик, Т. К. Нещумову, В. С. Болотских, В. Д. Железникова, Г. Г. Голикова, В. Н. Ильинова, О. С. Хегая, Е. М. Маркову, И. А. Шаповалову, К. А. Евсееву, Н. П. Будякову, А. И. Филимонову, Белгородский государственный художественный музей, Белгородский филиал Российского фонда культуры, Старооскольский художественный музей, Старооскольский краеведческий музей, Центральную библиотеку им. А. С. Пушкина (г. Старый Оскол).

В издании использованы фотоархивы семьи Хегай, В. М. Смотров, Т. К. Нещумовой.

На обложке: Илья Хегай. «Белая церковь», 1987.

© И. Н. Хегай (наследники)
© Т. Г. Брыжик
© А. Н. Анпилова
© Т. К. Нещумова
© ГБУК «Белгородский государственный художественный музей»
© МКУК «Старооскольский художественный музей»
© Музей Алексея Алексеевича Угарова
© Управление по корпоративным коммуникациям ОАО «ОЭМК», макет, оформление издания, 2015 г.
Адрес: Белгородская область, г. Старый Оскол, м-н Ольминского, 12.

Дорогие друзья!

В 2015 году исполняется 85 лет со дня рождения Ильи Николаевича Хегая—российского художника, живописца, чьё творчество известно не только в России, но и за её пределами. Более тридцати лет художник жил и работал в Старом Осколе. Наш город узнал почерк мастера в начале 1980-х годов. Для Старого Оскола это были знаковые времена—из тихого провинциального городка он превращался в мощный промышленный центр. В картинах художника тех лет «Первая плавка», «Рудник» запечатлена мощь горно-металлургического производства—Оскольского электрометаллургического комбината и Лебединского ГОКа.

Книга, которую вы держите в руках,—дань памяти нашему земляку. Сохранение и приумножение культурного наследия России—одно из приоритетных направлений социальной политики компании «Металлоинвест». Целенаправленно и планомерно компания оказывает комплексную поддержку развитию образования, культуры и творчества в городах своего присутствия.

Цель издания этой книги—систематизация и популяризация творческого наследия И. Н. Хегая. При подготовке издания специалистами управления по корпоративным коммуникациям ОЭМК было отснято более трёхсот картин художника, собран и уточнён богатый документальный материал, освещающий его творческую биографию. В альбом вошли работы из трёх музейных собраний Белгородской области и пятнадцати частных коллекций. Многие из них публикуются впервые.

Уверен—издание альбома Ильи Хегая послужит воспитанию культуры, сохранению нашего духовного наследия. Книга будет передана в дар в крупнейшие научные библиотеки и библиотеки российских университетов.

Андрей Угаров,
*первый заместитель генерального директора—
директор по производству УК «Металлоинвест»,
депутат Белгородской областной Думы.*

ISBN 978-5-86295-297-1

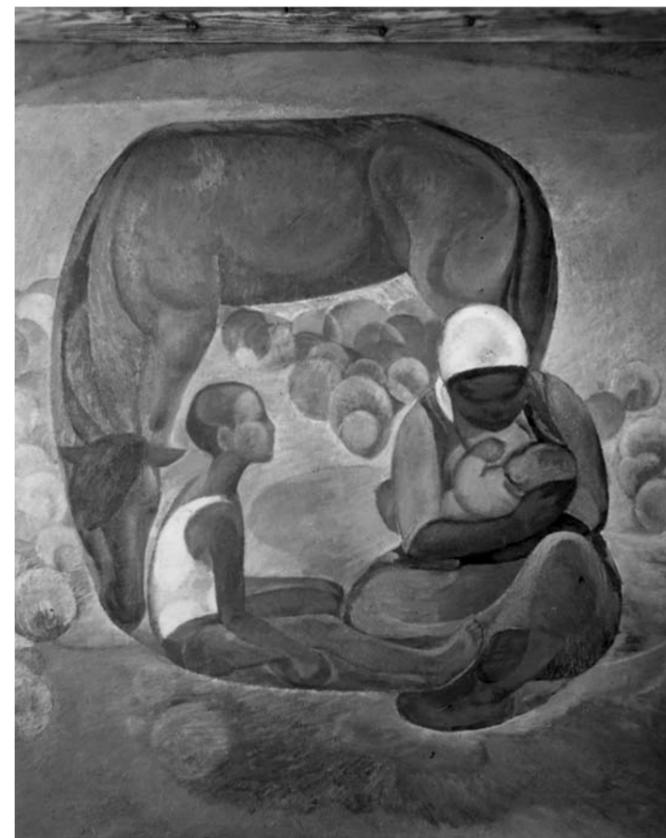
В. В. Нешумов

Художник-живописец Илья Хегай

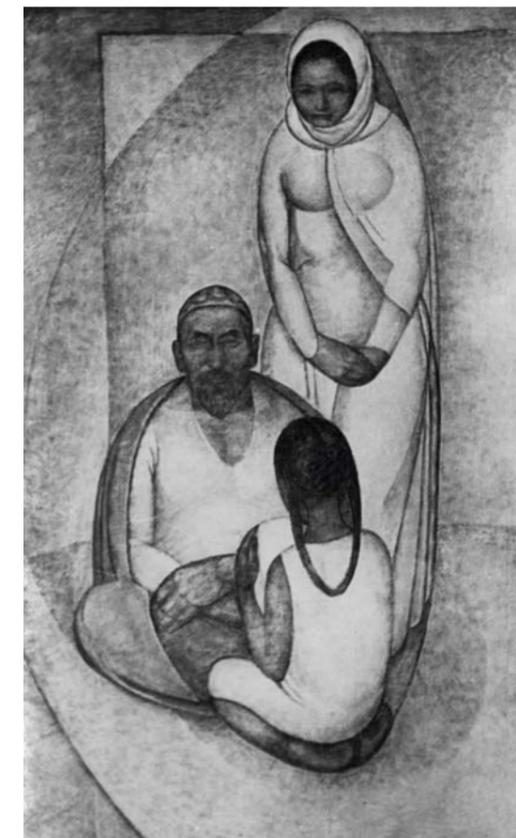
Мать Ильи Николаевича Хегая говаривала, что её сын родился в то время, «когда зацветает тыква, и картошка становится величиной с куриное яйцо», но утрачены «метрики» — сгорели вместе с имуществом и домом ещё в Приморье, и Карагандинским военкоматом время рождения Хегая определено «среднепотолочно», условно: 20 сентября 1930 года. Место рождения: город Шкотово Приморского края.

Время и место рождения Ильи Николаевича Хегая как художника-живописца — 50-е годы, город Караганда. В те времена в карагандинской людоверти спецпереселенцев, ссыльных, зеков, условно освобождённых, вольнонаёмных, вербованных и коренных жителей — казахов и уйгуров, среди лагерей Карлага ГУЛАГа, в непосредственной близости с особлагом «Долинка», описанным в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», неисповедимо сошлись: росток древа души человеческой, несущий в себе генофонд культуры Востока, и «ветвь, полная плодов и листьев» культуры Запада. Мальчик-кореец, вырванный из сопки и распадков дальневосточного Приморья и выброшенный из «телячьего вагона» в степь Казахстана на выживание осенью 1937 года, и мастер-живописец, поволжский немец, объездивший всю Европу, эрудит, носитель русской и западно-европейской культуры, соратник Луначарского, бывший в 20-е годы в гуще художественной жизни Москвы, сосланный перед войной в Караганду по причине «обострения классовой борьбы». Мастер и мальчик. Эйферт и Хегай. Учитель и ученик. Родственные души художников, уже состоявшегося и ещё будущего, встретились в Карагандинской изостудии при клубе шахты им. Кирова, которой в 40–50-е годы руководил Владимир Александрович Эйферт, и которую возглавил после ухода его на пенсию в 1956 году Илья Николаевич Хегай.

<...> Существуют два условия, необходимое и достаточное, при исполнении которых художник-живописец таковым является. Первое условие — любить живопись, а для этого необходимо многое: всесторонние знания, талант, мастерство, великий ежедневный труд, да мало ли ещё чего всякого... Второе условие — быть любимым живописью, быть избранным ею из легиона претендентов, а для этого достаточно лишь одно: соизволение капризницы и ничего больше.

Перерыв. Середина 1960-х. Холст, масло.
Фото из архива семьи Хегай.

Письмо. 1970. Холст, масло. 154x93.
Фото из архива семьи Хегай.

Владимир Александрович Эйферт, чуткий и тонкий учитель, оплодотворил душу ученика, открыл завесу и показал, что из себя представляет живопись, что и как творили другие мастера-живописцы прошлого и теперешнего времени, научил ученика умению любить живопись, а любим его Илья Николаевич Хегай изначально, поэтому он — художник-живописец, как говорится, «даром божьим», и не в его воле не быть им. Бремя этой сладостной и тяжкой доли нести ему до последнего часа. Нужны ли его труды людям? Нужно ли вообще искусство? Необходимо. Зачем? Но это уже другая тема.

Впервые я познакомился с творчеством Ильи Николаевича Хегая в г. Казани в 1962 году, на передвижнической выставке изобразительного искусства Казахской ССР. Это было во времена «хрущёвской оттепели», ещё до опубликования в газете «Правда» от 25 декабря 1962 года знаменательной речи тогдашнего идеолога Ильичёва, после которой настал такой «мороз» и «застой» и такое «закручивание гаек», что, как сказано у поэта: «Иных уж нет, а те — далече...» Но была всё-таки в то время «оттепель», и пришёл ко мне покойный ныне художник Алексей Аникеев и сказал: «Что ты полёживаешь, проспишь царство небесное, пойдём, среди прочего соцреализма там есть одна картина — настоящее искусство». И мы пошли... И картина Ильи Хегая сразу «окольцевала» меня линией гривы-шеи буланой лошади и вобрала, как в воронку омота, в центр, в изображение извечной первоосновы человеческой сущности — матери с младенцем, и созерцательное состояние приближения к абсолюту, к

истине, что вот-вот, ещё совсем немного, совсем чуть-чуть, и всё-всё станет просто, ясно и понятно, — длилось и длилось...

Судьбе было угодно распорядиться так, что встретиться и познакомиться лично с Ильёй Николаевичем Хегаем суждено было мне лишь 21 год спустя, в 1983 году, в городе Старом Осколе, в его мастерской, окна которой заслонены от прямого внешнего света разросшимися акациями, а свет души человеческой исходит из его полотен сильно и разно, и, перефразируя известное библейское речение: имеющий глаза — да увидит. И люди идут и идут на этот свет, значит, это им нужно, и не получают отказа. Илья Хегай гостеприимен, раскрыт, распахнут, разомкнут к людям, добр и мудр в простодушии, обогащается, отдавая, обогащается общением, созерцанием; в «доноры» к нему с радостью — и души людей, и душа природы... Вбирая и преобразуя воспринятое «через чувство», через «магический кристалл» разума, он окружающую повседневность на холстах возводит в высокие символы, но не банально и ходульно, а «тонко, звонко и прозрачно» — гармонично. Пейзажи, портреты, натюрморты, композиции — вот его конкретный, непосредственный способ выражения сущего, не требующий, как литература, перевода на другие языки, поэтому доступный всем...

Математики знают, что любая функция в определённой системе координат может быть записана формулой различно: есть «задание функции в канонической форме» и есть «неявно заданная функция», хотя выражают эти различные, на первый взгляд, соотношения одну и ту же зависимость. Используя такую математическую терминологию, можно отнести к картинам Ильи Хегай как к «функциям, заданным неявно». Такая неканоничность метода позволяет ему отобразить на полотнах красками тончайшие проявления человеческой души. Всяческими ...измами всевозможных художественных школ и направлений Илья Хегай давно «переболел», переплавил их в себе и рождает своё — свободно и мучительно. Свободен он от скованности неумения и предрассудков «теорий», а мается единственным: долготой срока «вызревания», хотя знает, что от момента озарения, «зачатия» замысла до рождения картины необходимо время, и — терпит, вынашивая, освобождаясь от шелухи необязательного, отбирая из бесчисленного количества возможностей единственное, не допуская своеволия, «отсебятины», — только то, что продиктует безошибочная интуиция, «веленье музыки». Корни, питающие его творчество, залегают широко и глубоко в силу обстоятельств становления и неутомимой жажды знаний, постоянного обретения нового и нового не только в области изобразительного искусства, но и «в соседях» — литературе, музыке... Счастливо сочетаются и уживаются в нём «женская» созерцательность и фаталистичность Востока («будет так, как должно быть, даже если будет по-другому», Коран) и «мужская» неутомимость поиска, неистовая ненасытность сверла Запада («Во всё мне хочется дойти до самой сути...», Б. Пастернак).

Бесполезно пересказывать содержание картин Ильи Николаевича Хегай, надо их смотреть, они — данность, образы окружающего; разлёт и превращение этих образов в сознании людей-зрителей в ассоциации всегда неоднозначны, поэтому восприятие картин требует душевного напряжения, возбуждает разум, побуждает душу к росту.

Не просто дерево с домиком, а — древо — ветвление ввысь бокала кроны, в котором пенится небо во здравие всех живых внутри под крышей. «Две стихии столкнулись — земная и звёзд-

Рисунок (Ли́ра). 1985. Бумага, карандаш.
МКУК «Старооскольский художественный музей».

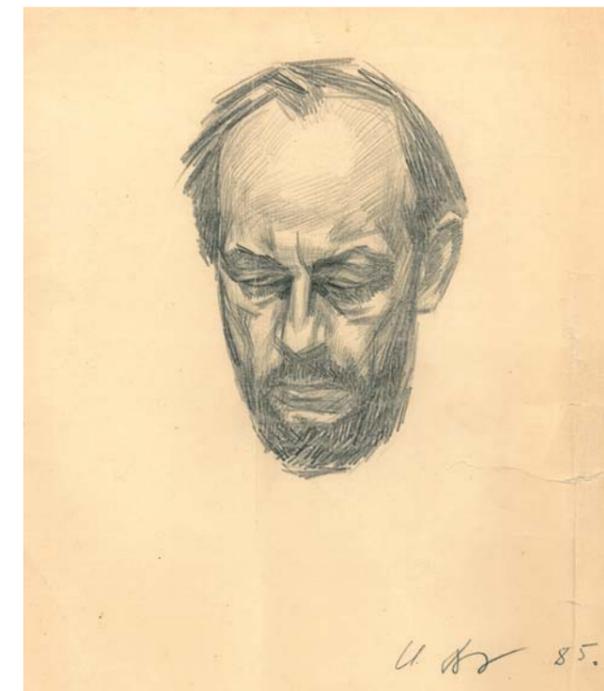

Рисунок (Нещумов). 1985. Бумага, карандаш.
МКУК «Старооскольский художественный музей».

ная», — сказала об этом Ли́ра Абдуллина в стихотворении «В мастерской художника», посвящённом И. Н. Хегаю.

О картине-портрете «Ли́ра» лучше всего сказано в стихах Лиры Абдуллиной:

*Мой друг рисует мой портрет,
В моё лицо глядит, как в воду.
Вода бежит. В ней нету броду.
В ней нет следа прожитых лет.
Там только тень, там только свет.
Лицо типичной азиатки
Хранит извечную загадку
Восточных лиц. Ответа нет.
Ни взглядом горестным, ни всхлипом
Не выдал верный друг меня,
От кривотолков заклоняя
Беспорностью стереотипа...*

Не просто старый лес с обнимающимися деревьями, а «скрепенье рук, скрепенье ног, судьбы скрепенье» (Б. Пастернак). Не просто мать с младенцем, а две сущности, уже разные телами, но всё ещё находящиеся в одной общей оболочке ауры, как в яйце.

Кстати, круговая замкнутость композиций кочует у Ильи Николаевича Хегай из картины в картину, являясь его отличительной чертой, метой мастера; в ранних полотнах эти круги яв-

Старый лес. 2009. Холст, масло, 80x70,
Частное собрание, г. Старый Оскол.

Гладиолусы. 2001. Холст, масло, 65x60.
Частное собрание, США.

ственны, затем — всё более широки, размыты, уходят за раму картины, но всё равно чувствуются, как круги от камня, брошенного в воду, — расходятся и обнимают всё пространство озёрного зеркала <...>

Не просто белая церковь, культовая постройка, а белый храм разума с воротами и деревом заполняет всё пространство белого холста, всверливаясь крестом в белую высь. Тонет и проявляется белое на белом, тонет и проявляется, сияя золотыми маковками, а мы всё живём и живём...

Но приходит час, и загораются поминальные свечи... Во что превращаемся мы после умирания тела?.. Кто мы, откуда, куда мы идём? <...>

Статья публикуется в сокращении по изданию: Илья Хегай: Живопись (каталог). — Белгород, 1991. — С. 3–6.

А. Н. Анпилова

Траектории творчества Ильи Хегая

Илья Николаевич Хегай — художник, чьё творчество развилось на перекрёстке культур. Прежде всего, это русский художник, неразрывно связанный с традициями отечественной культуры. В творческом наследии Хегая — многочисленные образы русской природы: здесь и заповедные тропы («Старый лес», 2009), и цветущие сады («Медовый день», 1996), и припвинская лесная глушь («Осень», 1993). В работах художника отчётливо различима и генетическая связь с культурой Востока, выраженная тематически и образно. Так, например, с портрета внука («Илюша», 1994) на нас смотрит маленький Будда, а прихотливый таинственный пероглиф, слагающий вазу для белоснежных цветов, оказывается синонимичным названию картины — «Счастье» (2003). И, наконец, третья составляющая — европейская традиция, безусловная связь с которой привита первым наставником — Владимиром Александровичем Эйфертом, признанным знатоком европейского искусства рубежа XIX–XX веков.

Но одним лишь ментальным сплавом не объясняется многоликость творчества Ильи Хегая. Как всякий большой художник, он не был мастером одного художественного направления — напротив, он развивался, искал, менялся. Оглядываясь на шестидесятилетний творческий путь живописца, можно выделить как минимум три вехи становления его художественного почерка. Конечно же, речи быть не может об определении точных хронологических границ в творческой биографии художника (тем более, что в одни и те же годы он зачастую писал совершенно разные работы), но поворотные точки в его судьбе выявляются достаточно определённо.

Раннее творчество Ильи Хегая носит реалистический характер. Художник прошёл хорошую школу академического рисунка в Алма-Атинском театрально-художественном училище им. Н. В. Гоголя, а позже — в карагандинской студии В. А. Эйферта. Свидетельство тому — ученические работы художника, с которыми он не расставался всю свою жизнь («Автопортрет», 1952; «Без названия (Жанровая сцена)», 1955 и др.)

Сегодня мы располагаем далеко не всеми ранними произведениями мастера, но будет уместным напомнить о том, что в 1950-е годы, когда только начинался его творческий путь (свои первые работы художник выставлял уже в 1952 году, т. е. ещё при жизни Сталина),

Рисунок (Женский портрет). 1952. Бумага, карандаш, 41,5x29,5. Собрание семьи Хегай.

Рисунок (Детский портрет). 1953. Бумага, уголь. 41,5x29,5. Собрание семьи Хегай.

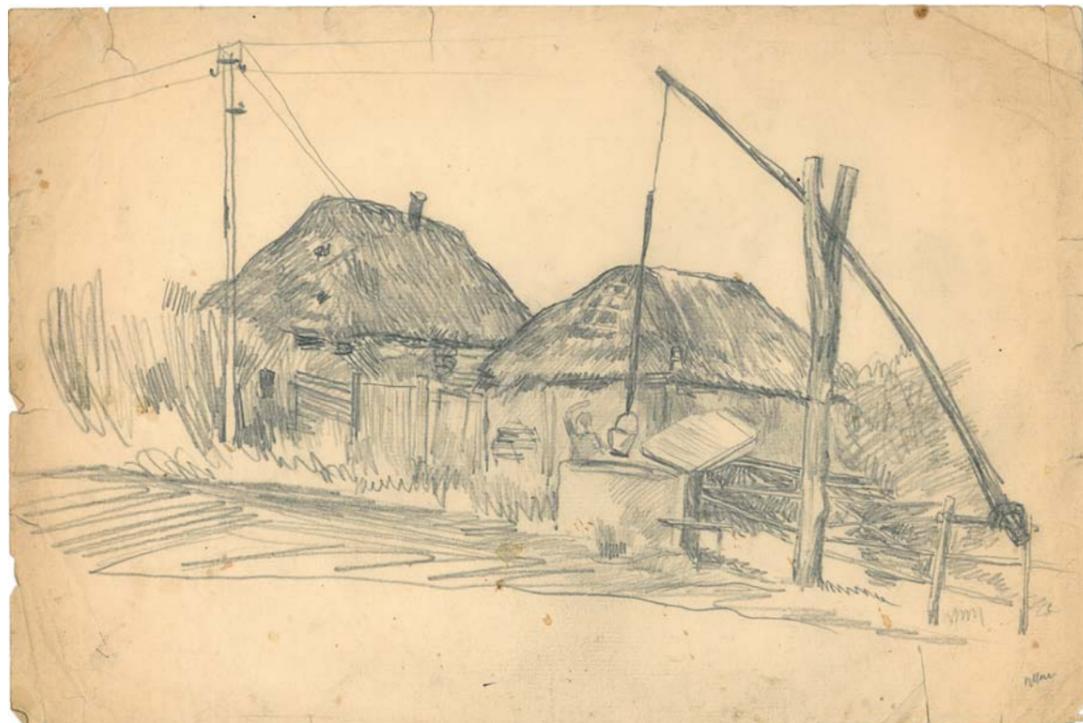
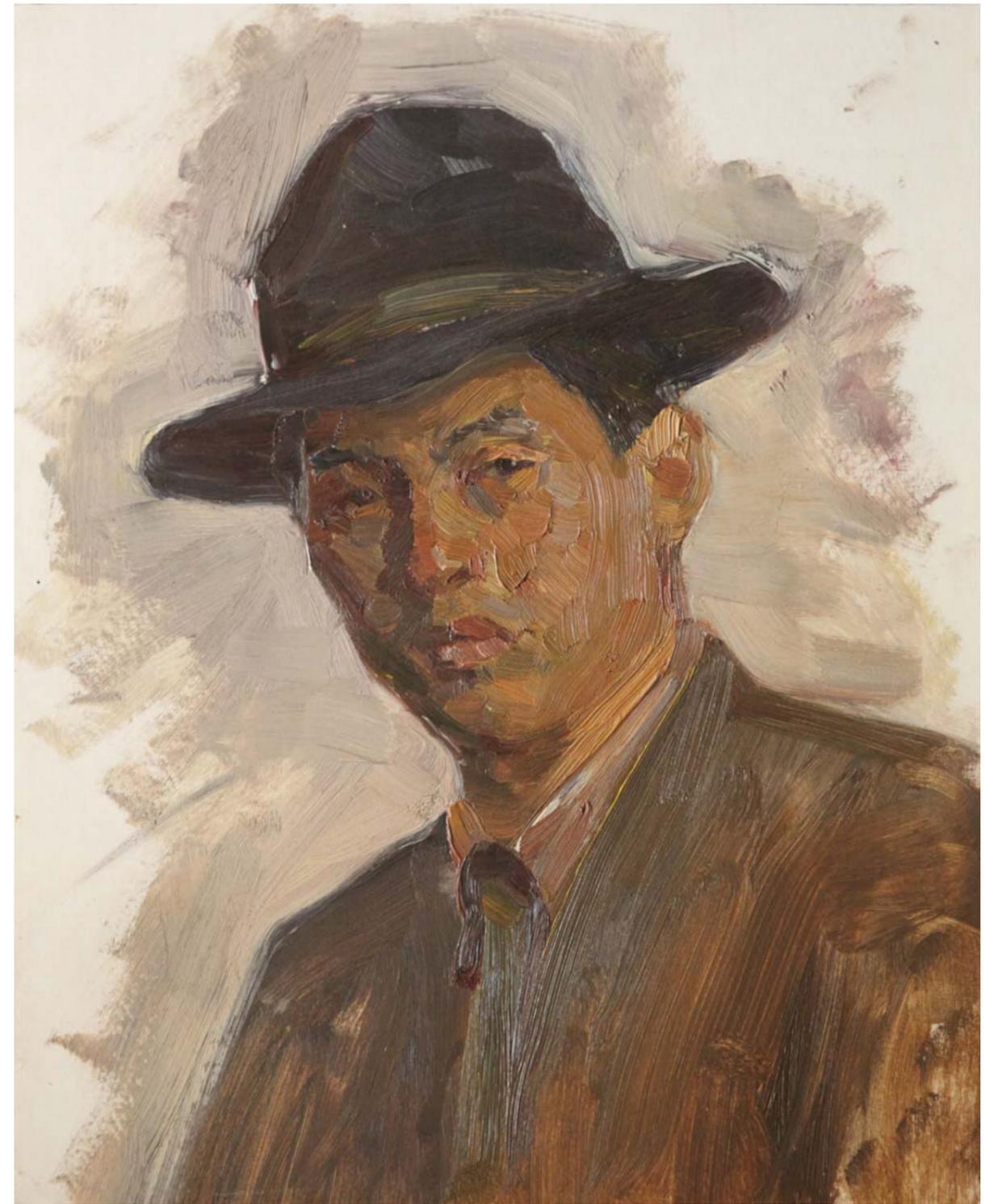

Рисунок. 1970-е. Бумага, карандаш. 24,5x36,5. Собрание семьи Хегай.

Автопортрет. 1960-е. Холст, грунтованный на картоне, масло, 40,5x33. Собрание семьи Хегай.

в официальном советском искусстве безраздельно властвовал соцреализм. В 1950–1960-е годы, работая в мастерских художественного фонда г. Караганды, Хегай успел в полной мере ощутить давление «соцзаказа». На склоне лет Илья Николаевич с иронией рассказывал истории тех времён: о том, как в ночь перед очередным партийным пленумом писал портрет В. И. Ленина, но усталость и искусственное освещение сыграли злую шутку, и Ленин вышел жёлтым — случился скандал; или историю о том, как три дня добирался на попутках в далёкий аул, чтоб написать порученный ему портрет Героя Социалистического Труда знаменитой женщины-чабана: «Измучил её совсем. Жара! Она на верблюде, в пиджаке с орденами, верблюд не слушается...» (в архиве семьи художника сохранились некоторые эскизы к этой работе).

Многие картины Ильи Хегая, выполненные в традициях реалистической живописи, вошли в «золотой фонд» его наследия. В большинстве своём они не отражают трудовых подвигов, не изображают героев времени, как того требовали каноны соцреализма, напротив, носят камерный, лирический характер. Этим работам свойственна пластичная ясность, строгость и простота композиции, в них художник создаёт картину гармоничного, уравновешенного мира («Девочка у окна», 1968; «Жанровая сцена», 1968; «Малышка», 1970 и др.). К реалистическому стилю Ильи Хегай не раз обращался и в более поздние годы («Осень. Смена», 1983; «У памятника», 1985; «Автопортрет», 2002). Но уже в произведениях середины 60-х годов мы наблюдаем совсем иной творческий почерк, во многом отсылающий к опыту художников-авангардистов начала XX века.

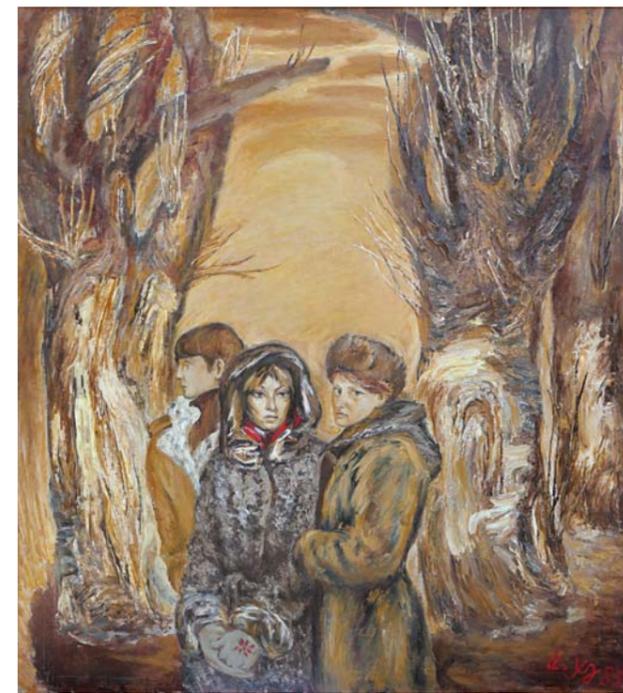
Сразу отметим, что подобный поворот был далеко не случайным. Во-первых, Илья Хегай, в отличие от многих своих современников, был достаточно хорошо знаком с открытиями искусства начала века. И в этом огромная заслуга его учителя — В. А. Эйферта: он сам

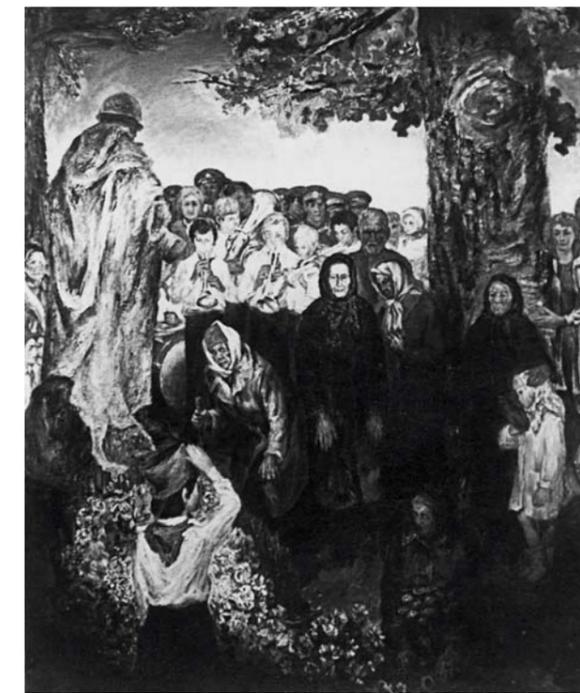
Этюд (Барашки). Конец 1950-х. Картон, масло, 36,5x48,5.
Собрание семьи Хегай.

Эскиз. Конец 1950-х. Картон, масло, 51,5x36.
Собрание семьи Хегай.

Осень. Смена. 1983. Холст, масло, 136x124.
Частное собрание, г. Старый Оскол.

У памятника. 1985. Холст, масло.
Фото из архива семьи Хегай.

находился в гуще художественных событий тех лет и не только рассказывал своим ученикам о творческих находках авангарда, но и показывал им шедевры живописи начала XX века (всё дело в том, что Эйферт, отправляясь в ссылку, взял с собой репродукции картин художников-авангардистов, и его ученики имели возможность видеть то, что долгими десятилетиями оставалось недоступным простым зрителям).

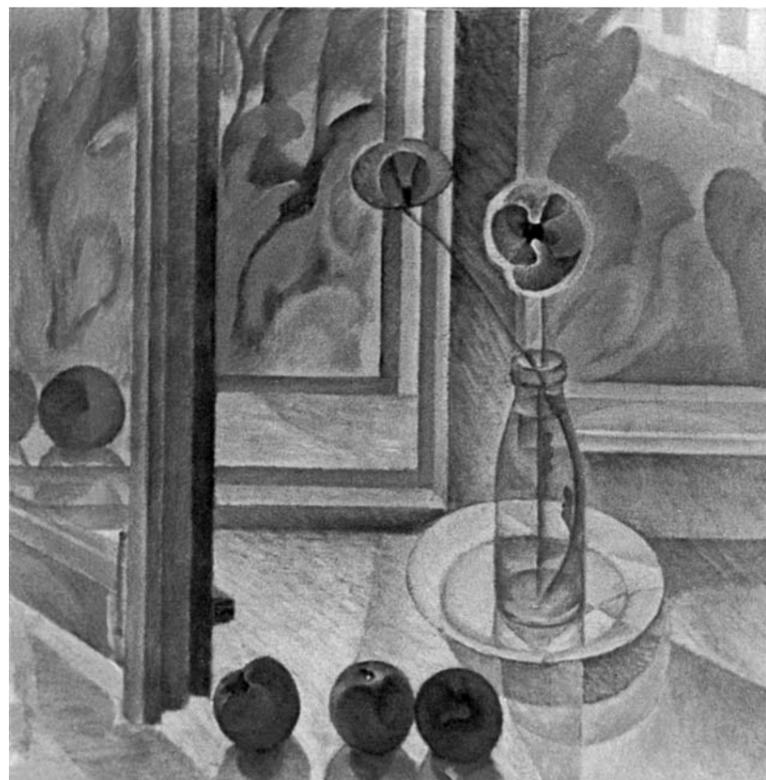
Вторым толчком, повлиявшим на изменение стиля И. Н. Хегая, явилась прошедшая в 1963 году в ГМИИ им. Пушкина выставка выдающегося художника-монументалиста Фернана Леже. Хегай с гордостью рассказывал о том, что посетил эту выставку дважды, именуя знаменитого француза не иначе как «Великий Леже!» Выставка Леже тогда для многих явилась настоящим потрясением: она не только оказала значительное влияние на развитие декоративно-монументального искусства в СССР, но и опосредованно восстанавливала связь с проектами русского авангарда. Особенностью творческого почерка Ф. Леже явилось раскрытие сущности объёмов, за счёт соположения которых человек и предмет уравниваются и становятся взаимозаменяемыми. Именно в этом почувствовал Илья Хегай созвучие своим собственным поискам.

Во второй половине 1960-х годов во многих живописных работах художника используется ряд приёмов, свойственных эстетике авангарда: появляется силуэтно-плоскостная манера письма, художественное пространство изображается условно, оно уплощается, дробится, словно пишутся не только сами предметы, но и образующие их энергетические, магнитные поля. Такова картина «Дюнь» (1967) — здесь отсутствует прямая перспектива, образ пространства создаётся за счёт соположения цветовых плоскостей. Мы видим ясные, гармонично уравновешенные формы. Монументальность композиции, сдержанность колорита подчёркивают устойчивость и нерушимую целокупность мира, органичной частью которого являются мо-

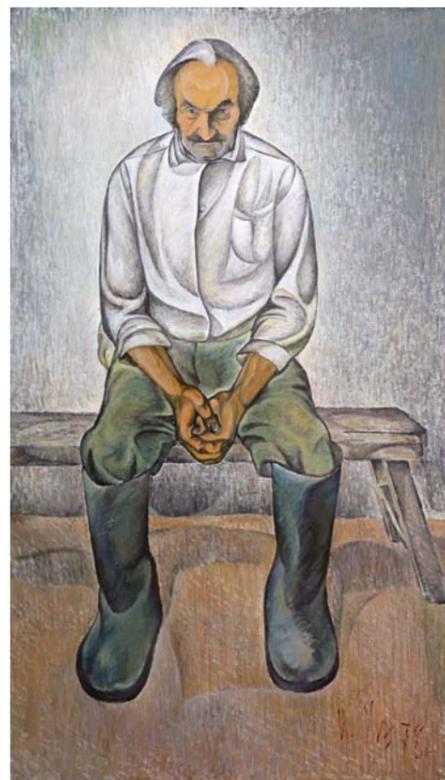
лодые люди. Новый почерк ещё более выражен в картине «Весна в Темиртау» (1969), построенной на слиянии полусфер, треугольников, овалов. Дробление пространства для художника важно не столько с аналитической точки зрения, сколько как возможность показать единство неделимого мира: вода, земля, небо, люди — всё вовлечено в общий круговорот мироздания.

В новой стилевой манере выполнен и ряд портретов 1960–1970-х годов. Самым ранним из них («В саду. Весна», 1968; «Кутявин», 1971) не свойственна повествовательность. Подчёркнуто декоративное решение и конструктивность композиции способствуют созданию молчаливо-сосредоточенных цельных образов. А вот в портрете «Дед Шаклин» (1978) представлен почти мифологический образ. Лаконично, не размениваясь на детали, художник создаёт национальный тип богатыря. Этому портрету не нужен интерьер, из деталей — лишь грубая деревянная скамья. Фигура старика занимает всё композиционное пространство. Внимание зрителя последовательно перемещается от сосредоточенного лица к натруженным рукам и огромным валенкам. Образ героя несколько деформирован, утяжеляясь книзу, что лишь подчёркивает «укоренённость» этого человека на земле, его «кряжистость», тяжеловесность. Огромную нагрузку выполняет серый цвет, составляющий основу колорита картины: серый цвет — как гранит, из которого вырублен этот монумент. Про таких говорят: «Соль земли!» — дед Шаклин и есть тот, на ком держится русская земля.

В найденной стилевой манере органичным выглядит развитие темы семьи и материнства в творчестве Ильи Хегая. Отказываясь от пространственной содержательности, художник с

Натюрморт (конец 1960–начало 1970-х).
Фото из архива семьи Хегая.

Дед Шаклин. 1978. Холст, масло, 173x98.
Частное собрание, г. Старый Оскол.

Красный домик. 1970-е. Холст, масло, 60x77.
Частное собрание, г. Старый Оскол.

Кутявин. 1971. Холст, масло, 85x74.
Частное собрание, г. Старый Оскол.

успехом использует то внешнее, что может дать зрение: чёткость рисунка и экспрессивность цветовой палитры способствуют передаче сложных психологических состояний и построению символических обобщений. Так, напряжённое соседство красного и синего цветов служит воплощению тревожных раздумий матери в картине «Ожидание» (1978), а жёлто-белая гамма «Материнства» (1979) формирует основу философского содержания работы: силовые линии, окружающие мать и дитя, составляют контур яйца — древнейшего символа человеческой культуры. В мировой мифологии значение этого символа многогранно — это и рождение, и первооснова всего сущего. Изображая мать и дитя, Хегай обращается к прообразу неисчерпаемого круговорота жизни, выводя жанровую тему на уровень вопросов об универсальных законах бытия.

Можно с уверенностью сказать, что картины И. Н. Хегая 1960–1970-х годов отражают свежее, непредвзятое восприятие окружающего мира, чуждое стереотипам официального искусства той поры. Стиллевая манера художника развивается в сторону условности, метафоричности. В этот период в творчестве Ильи Хегая наметился новый способ художественного обобщения: «типизация» реалистической живописи сменилась поиском формул, по которым эта действительность существует. Этот «укрупнённый» философский масштаб размышлений о мире составит доминанту зрелого творческого почерка художника, но вот его живописной манере будет суждено претерпеть существенные изменения.

Вторым поворотным периодом творчества Ильи Николаевича Хегая является конец 1970-х годов. Толчком послужило общение с молдавским художником Михаилом Григорьевичем Греку, которого Хегай считал одним из величайших мастеров современности. В 1960–1970-е годы (в годы «застоя», как принято сейчас говорить) одной из особенностей творчества Греку было стремление к расширению горизонтов выразительных возможностей живописи: он использовал нетрадиционные красители, экспериментировал с цветовой гаммой, живописными техниками. Во многих работах художника не только цвет, но и фактура живописной массы становились средствами художественного выражения. Конечно

же, подобные опыты не оставались незамеченными, но реакция на них была самой разной. Невзирая на официальное признание и высокие награды, со стороны партийных функционеров М. Греку постоянно подвергался критике: с самых высоких трибун звучали обвинения в формализме, восприимчивости к «буржуазным» веяниям, его картины снимались с республиканских выставок и т. д. С другой стороны, поиски Греку с интересом воспринимались молодыми художниками, многие из которых с гордостью называли себя учениками молдавского мастера.

Илья Хегай познакомился с Михаилом Греку в 1974 году, в сорокапятилетнем возрасте. Пора ученичества осталась далеко в прошлом, и, тем не менее, творческие находки М. Греку оказали существенное влияние на формирование стилевой манеры художника. Во второй половине 1970-х годов параллельно с «графическими» работами («Хулахуп», 1977; «Дед Шаклин», 1978 и др.) Хегай пишет ряд картин, в которых использует новую для себя живописную манеру. В некоторых из них художник обращается к пастозной технике живописи: рисунок «растворяется», уступая место колористическому решению. Таковы «Вид на Криково» (1975), написанный плотными, жёсткими мазками; портреты детей («Дима», 1976; «Девочка на подоконнике», 1977). Или другой пример: в 1979 году Хегай заканчивает картину «Материнство» (это последняя силуэтно-плоскостная работа художника) и в том же году в совершенно иной манере пишет «Юрту». Здесь рисунок едва угадывается, вместо чёткости линий — знойное марево, растворяющийся в песках мираж, где сотканые из зноя проявления, исчезая, двугорбый верблюд, сидящая женщина, угли костра... Эти работы представляют собою творческую лабораторию художника, в которой он оттачивает новый художественный почерк.

Во взаимоотношениях Хегая и Греку, несомненно, присутствовал элемент ученичества. Но было и другое — единство творческого поиска, не случайно некоторые картины двух художников напоминают своеобразный творческий диалог. Так, например, в конце 1970-х годов М. Греку пишет серию работ, в которых создаёт многозначные символические образы: «Врата жизни», «Врата мира», «Врата предков» и др. Как реплика в диалоге появляется картина И. Хегая под родственным названием — «Врата» (1978). Два мастера предлагают разные решения одной и той же темы.

Ещё один случай творческого диалога — «Старая мельница» М. Греку (1975) и «Автопортрет» И. Хегая (1978) — по стилю и технике исполнения их близость не вызывает сомнений, но по жанру и образному содержанию это две совершенно разные работы. Используя тревожную чёрно-белую гамму, Михаил Греку создаёт символический образ старой мельницы, отсылающий к глубинам времён, к мифологическим поверьям о нечистой силе. Тремя годами позже в той же художественной манере Хегай решает совершенно иную художественную задачу — пишет автопортрет. Здесь та же напряжённая чёрно-белая гамма, эстетический эффект усиливается за счёт того, что в картине полностью отсутствует рисунок, художественный образ создаётся только за счёт колористического решения и игры фактуры: сквозь струпья засохшей краски, как сквозь пелену рока, неизвестности, судьбы, прорывается облик человека — художника, пытливого, взыскующе вглядывающегося в этот мир. Рождаётся философ Хегай, слагающий свой миф о мире.

Сотрудничество с Михаилом Греку способствовало увеличению арсенала средств художественной выразительности, освоению новых приёмов живописи, адекватных философ-

М. Греку. Старая мельница. 1975.

И. Хегай. Автопортрет. 1978.

ской проблематике работ художника. В произведениях конца 1970-х — начала 1980-х годов стилевая манера Хегая развивается в сторону большей степени остроты, многозначности, символизма. Темы, к которым будет обращаться живописец, — огромного масштаба — любовь, жизнь, память, ответственность человека за свои дела на Земле и т. д.

Одной из важнейших тем в творчестве Ильи Хегая стала тема Великой Отечественной войны. Сорокалетию Великой Победы художник посвящает картину «Ожидание» (1985). Пространственные образы этого полотна немногочисленны — старенький дом с соломенной крышей, на лавочке у завалинки сидит старик, а на переднем плане — старая мать, ждущая сына с войны. Изображённое событие предельно лаконично. Мощный эстетический эффект этой работе придаёт найденная художником философская концепция времени. Рассмотрим её подробнее.

Протяжённость настоящего подчёркнута статичностью образов: старуха неподвижно стоит, глядя на дорогу, привычным жестом подперев голову рукой; дед сидит, обречённо опустив руки. Гнетущие тона тёмного неба отражают давящую тяжесть ожидания, затянувшегося на годы. Таким образом, в центре внимания художника оказывается *длительность* ожидания — время изображённого события уплотняется, становится тягучим, а главными героями становятся неутраченное горе и неумирающая надежда. Однако колорит картины говорит не только о внутренних переживаниях героев — зловещее коричневое небо (цвет неба сливается с цветом земли), тревожный ответ пожарниц в маленьких окнах дома передают и неизбежность переживаний военных лет. Создаётся эстетический парадокс: картина не изображает войны, но в ней есть ощущение военного времени. Прошлое живо, оно не ушло. Так создаётся *многомерность* изображённого события: момент времени расширяется, включая в себя и настоящее, и прошлое. Драматизм картины усиливается за счёт нарушения линейности времени — настоящее замедляется, а прошлое не уходит.

Образ времени, созданный в «Ожидании», получает развитие в авторском повторе работы, написанном семь лет спустя, в 1992 году. Перед нами разворачивается почти кинематографический сюжет. Мы видим тот же дом, ту же разрушенную калитку. При этом поле напряжённости нарастает — идёт время, приходит зима. Белый колорит картины ассоциируется с ледяными оковами, зимней стужей, замораживающей душу. Трагический ход времени подчёркнут тем, что старика уже нет, а одинокая мать всё так же стоит на дороге и ждёт сына домой. Военная тема решена в «Ожидании» как тема исторической памяти и тема духовно-нравственной жизни человека.

Илья Хегай размышляет и над самыми сложными страницами отечественной истории. Особое место в творческом наследии художника занимает портрет «Варлам Шаламов» (1989). Обращение к теме сталинских репрессий было для Хегая далеко не случайным. Всё началось осенью 1937 года, когда в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКПб «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в целях «пресечения проникновения японского шпионажа» семья художника была депортирована в Казахстан. Семилетним мальчиком в теплушке, под охраной красноармейцев маленький Илья и его родные были доставлены на окраину Караганды, где в землянке, в горести и нищете им, «японским шпионам», довелось прожить двенадцать долгих лет. Здесь, в Караганде, Илья Николаевич Хегай встретился со своим главным наставником — Владимиром Александровичем Эйфертом, уже не японским, а потенциальным «немецким шпионом». И, наконец, третье пересечение. В середине 1980-х годов состоялось знакомство художника с московским скульптором Ф. Ф. Сучковым, другом А. П. Платонова, А. И. Солженицына, Ю. И. Домбровского. Федот Федотович Сучков тринадцать лет был узником сталинских лагерей. Именно в его мастерской оказалась в руках Ильи Хегая фотография Шаламова, которая и положила начало работы над портретом писателя.

Написать портрет Шаламова — непростая задача. Его лицо поражает, приводит в состояние замешательства, оторопи, глядя на него, понимаешь: это лицо человека, вернувшегося из ада. Особый трагизм его облику придают глубокие морщины, словно прорезанные, высеченные резцом по камню. В отечественной поэзии страшных сталинских лет эти следы человеческого страдания, отложившиеся на лице, традиционно сравниваются с клинописью. В «Реквиеме» А. Ахматовой читаем:

*Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводит на щеках.*

В «Колымских тетрадах» В. Шаламова встречаем тот же образ:

*Та клинопись накрепко врезана в кожу,
И буквы — морщины лица.
И с каждой минутой все чётче и строже
Черты на лице мертвеца.*

«Клинопись» шаламовского лица не осталась незамеченной художником. Воссоздавая внешний облик писателя, Хегай тяготеет к пластичности изображения. Высокий рельеф живописи способствует передаче трагичности образа Шаламова, придаёт портрету особую психологическую глубину и напряжённость.

Но «Варлам Шаламов» — не просто портрет в традиционном смысле слова, это тематическая картина, в которой художник апеллирует ко всему творчеству писателя. В верхней части холста художник изобразил бесконечную заснеженную равнину. С одной стороны, это образ Колымы, которая навсегда «осталась за спиной» у Шаламова, стала частью его биографии; но с другой стороны, это и тот художественный образ «страны Колымы», который оставил нам в наследство сам писатель. Будучи хорошо знакомым с творчеством В. Шаламова, Илья Хегай использует в построении своей картины сквоз-

Варлам Шаламов. 1989. Фрагмент.

ные образы-символы его стихотворного наследия (прежде всего, «Колымских тетрадей»). Это и образ дороги, по которой движется вереница заключённых — вперёд и ввысь («со дна библейского колодца на небеса»); это и образ безмолвного, безымянного погоста:

Ведь только длинный ряд могил —
Моё воспоминанье,
Куда и я бы лёг нагим,
Когда б не обещанье
Допеть, доплакать до конца
Во что бы то ни стало,
Как будто в жизни мертвеца
Бывало и начало.

Смысловой доминантой портрета «Варлам Шаламов» стала тема крестных страданий — одна из ключевых в «Колымских тетрадях». Крест с распятым на нём сердцем становится одним из центральных образов картины. А главным образом-символом, объединяющим всё пространство холста, является образ колючей проволоки — неизменного атрибута любого концлагеря. Из колючей проволоки свито распятое на кресте сердце; судорожно стиснутая в руках Шаламова, она слагает венец, возложенный на голову писателя. Образ тернового венца, свитого из колючей проволоки, — прямое воплощение стихотворных строк В. Шаламова:

Приподнятый миллионом рук,
Трепещущих сердец
Колючей проволоки круг,
Терновый твой венец...

Использование лейтмотивных образов «Колымских тетрадей» придаёт портрету «Варлам Шаламов» особую многосмысленность. Можно выделить как минимум три уровня восприятия этой картины: это и портрет писателя, и скорбное раздумье о судьбах узников сталинских лагерей, и пример художественного осмысления стихотворного наследия силами другого искусства.

Илья Хегай — художник философского, почти мистического склада. Его творчество во многом созвучно поискам художников-модернистов первой трети XX века, и проявляется это, в первую очередь, в напряжённом внимании к вечным «проклятым» вопросам бытия. Высокий уровень абстрагирования в работах Хегая обусловлен тем, что его волнует не столько реалистичность создаваемых им художественных образов, сколько значение этих образов в масштабах Большого времени. Картины мастера нередко содержат мощный символический подтекст, посвящены постижению универсальных законов бытия. Своё понимание Вечности художник воплотил в таких работах, как «Свидетель» (1985), «Апокалипсис» (1990), «Древо любви» (1991), «Ангел» (1996) и др. Мифологизм — такова главная отличительная черта зрелого почерка Ильи Хегая, к какому бы жанру художник не обратился, будь то пейзажная зарисовка или портрет.

К жанру портрета И. Н. Хегай обращался на протяжении всего своего творчества. Его портретная живопись разнообразна: здесь и камерные лирические решения («Ольга», 1988; «Портрет Веры», 1990), и портреты-картины («Лири», 1985; «Грёзы», 2003), и символические построения, основанные на игре с древнейшими архетипами русской культуры («Царевна-лягушка», 1984; «Птица Сири», 1984). А вот по признанию самого художника, лучшим из созданных им портретов является картина с символическим названием «Госка. Женщина» (1986). Приглядимся к ней внимательней.

На матовом фоне цвета мокрой земли (грязи) — тонкий абрис женского лица, сложенный из глянцевых рельефных линий, мерцающих, как змеиная кожа. Однотонный колорит фона картины разбавлен несколькими цветовыми пятнами, похожими на болотные огоньки. Интересно, что их цвет (сине-зелёный) составляет основу абстрактной картины Хегая с символическим названием «Омут». Комментируя смысловое содержание этой работы, художник как-то заметил: «Омут ведь бывает и в душе...» Таким образом, уже цветовое решение портрета заставляет задуматься не только о тяжести внешних обстоятельств, обрушившихся на героиню, но и о саморазрушении, съедающем её изнутри. А о чём говорит её облик?

Приковывают внимание огромные глаза, широко распахнутые не то от боли, не то от ужаса. Взгляд этих глаз пугает, заставляет содрогнуться. Глядя на портрет, понимаешь, что подобный взгляд возможен только в *за-пределных* обстоятельствах, когда жизнь становится не просто сложна, но невыносима, когда рок, судьба настолько довлеют над человеком, что от безысходности остаётся только кричать. Но вот как раз крика в этом портрете и нет — у героини нет рта. И эта деталь многократно усиливает трагизм портрета.

Обращаясь к теме рока, к воплощению трагического в жизни человека, Илья Хегай предлагает не совсем обычное, на первый взгляд, решение. В чём его своеобразие? Вспомним общеизвестный символ выражения трагического в европейском искусстве — картину Э. Мунка «Крик». Экспрессивность картины обусловлена грандиозным замыслом художника — создать образ кромешного мира, искажённого, деформированного под напором силовых линий, в эпицентре которых — рот орущего от ужаса человека. Крик у Мунка объёмлет собою весь мир, становится его главным содержанием. У Хегая же главный герой портрета — не крик ужаса, а ужас немоты (что, пожалуй, намного страшнее).

Отметим, что здесь творческие поиски Ильи Хегая близки величайшим находкам русской культуры XX столетия. Достаточно вспомнить образ «невыплаканных слёз», «окаменелого страдания» у А. Ахматовой:

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил?»,
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

В стихотворении «Распятие» А. Ахматова вскрывает страшную градацию человеческого страдания: крик ужаса («Магдалина *била* и *рыдала*») — ужас немоты («Ученик любимый *каменел*») — молчаливое невыразимое страдание Богородицы, для воссоздания которого даже нет слов («*А туда, где молча Мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел*»). Это страдание, граничащее с небытием, со смертью, уже *не-человеческое, не-выносимое*, поскольку *такое* человек пережить уже не может.

Хегай не боится заглядывать в бездны. Он и сам пережил многое. Как отмечают биографы художника, картина «Идёт охота» (1982), изображающая воющего волка, появилась после того, как на художника обрушилось огромное личное горе. Но зрителю, пожалуй, об этом знать совсем не обязательно. Важней другое: работы Ильи Хегая — живой отклик на изменение духа времени, и даже больше того, они — предощущение грядущих катастроф.

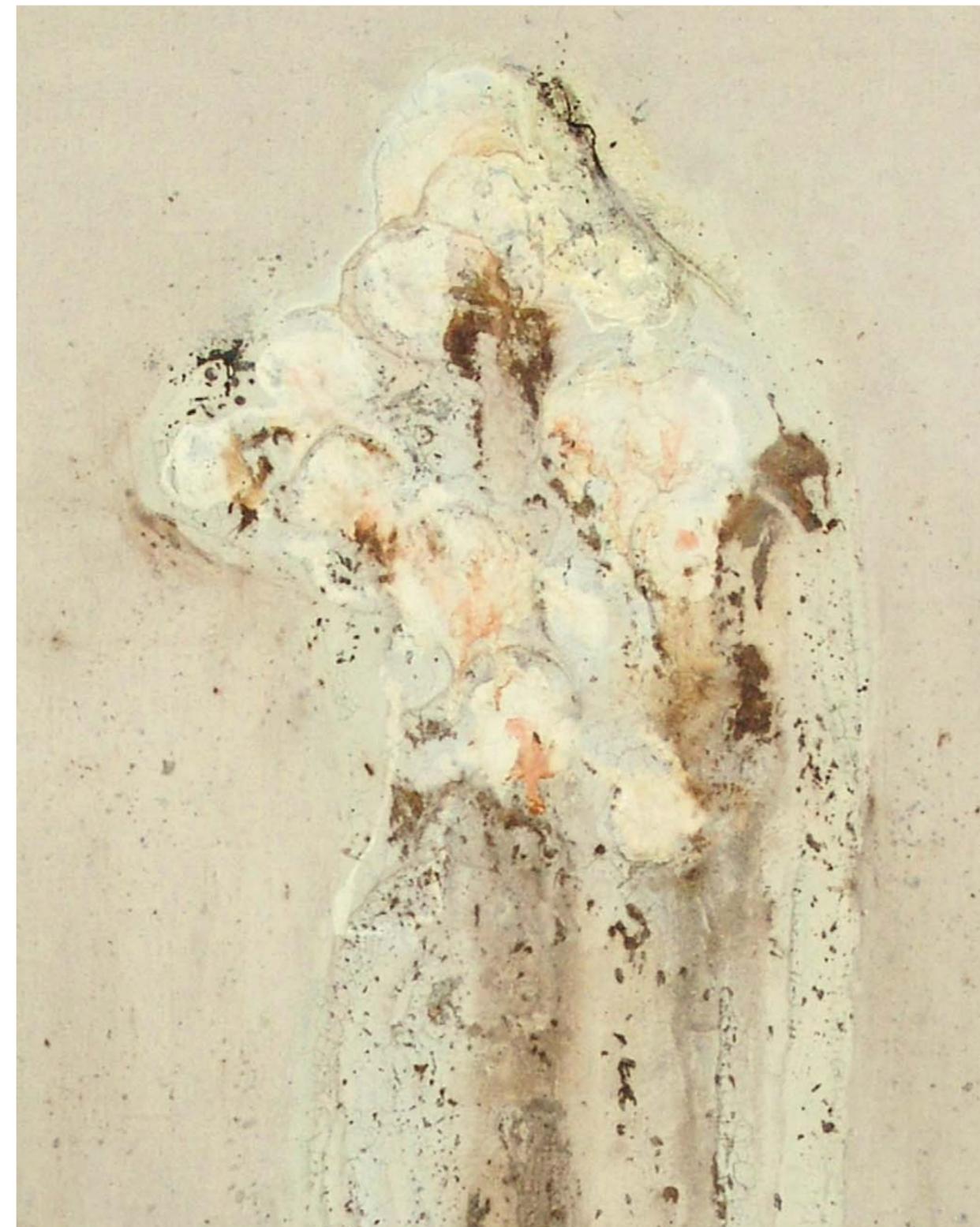
Образ волка — лейтмотивный образ всей русской культуры XX века. Но если в начале века волк являлся олицетворением стихии (творчество Б. Зайцева, Б. Пильняка), то уже к началу 1930-х годов волк превращается в загнанного больного зверя (стихотворения О. Мандельштама), появляется мотив облавы. В 1970-е годы эта тема разовьётся уже в творчестве В. Высоцкого, к стихотворению которого и отсылает название картины.

«Идёт охота» написана в 1982 году. А двумя годами ранее написана другая работа — «Старина» (1980). Колористические особенности, стилевое и тематическое родство обеих картин позволяют их рассматривать как художественное единство. Динамическая напряжённость красного, оранжевого, иссиня-чёрного цветов создаёт впечатление ужасающих разломов Апокалипсиса. Зловещее зарево, к которому обращена голова волка, превращается в горькое воспоминание об утраченном солнечном свете. Покосившийся, плавящийся в жутком мареве храм, образ воющего волка сливаются в образ вселенской катастрофы. В этом видится почти мистическое предвидение социальных потрясений, перемен, надвигающихся на страну.

В напряжённых философских раздумьях о мире, о человеке И. Н. Хегай обращается не только к тёмным сторонам жизни. Его художественный мир уравновешен: в нём есть мрак, но есть и свет, есть жуткие бездонные омуты, но есть и высокие полёты духа. Создавая мифологизированный образ мира, Хегай смело заглядывает в бездны, он может себе это позволить, поскольку хорошо чувствует и опору. Эта опора — духовные заветы человечества.

Евангельской тематикой проникнут ряд работ художника. Неявное (прикровенное) изображение Богородицы И. Н. Хегай озаглавил необыкновенно тонко — «Любовь» (1978). Этой картине свойственна почти иконописная глубина. Но если на иконе краски нанесены поверх доски, то в работе Хегая создаётся впечатление, что краски словно прорываются *сквозь* холст. Именно *про-ступают, про-являясь* круглыми пятнами окислившейся меди. Эта картина — поистине *про-явление* — Явление — Богородицы — миру.

«Явление» (1995) — таково название ещё одной притчи художника. Картина лаконична и в цветовом решении, и в наборе символов (лодка, плывущая по водам, льющійся с небес свет), но этого минимума хватает для того, чтобы сказать о многом, изобразить невыразимое. Смысловое содержание этой работы — явление в мир божества и обретение сокровенного пути к Богу. Характеризуя природу искусства, Сергей Булгаков справедливо заметил: «...область его находится на грани двух миров. Оно зрит нездешнюю красоту и её являет этому

Любовь. 1978. Фрагмент.

миру; оно не чувствует себя немотствующим и сознаёт свою окрылённость». Действительно, то, что доступно языку искусства, подчас представляет определённую сложность для толкования. А потому, интерпретируя смысловое содержание картины Хегая «Явление», сошлёмся на другой пример художественной интуиции — стихотворение О. Мандельштама 1909 года (ещё один случай совершенно невероятного совпадения символов и смыслов):

Нету иного пути,
Как через реку Твою, —
Как же иначе найти
Милую землю мою?

Плыть к дорогим берегам
Если захочешь помочь,
Руку приблизив к устам,
Не отнимай её прочь.

Тонкие пальцы дрожат,
Хрупкое тело живёт:
Лодка скользящая над
Тихою бездною вод.

Визитной карточкой художника, одной из неоспоримых вершин его творчества по праву считается картина «Храм» (1987). Белый храм на белом фоне. Так до Хегая ещё не писал никто. Высокий рельеф живописи, соседство разных по степени пастозности поверхностей создают полноценное изображение. Но эта картина — не просто пейзаж. За поверхностным смыслом реалистического изображения скрывается мифологический смысл, связанный с культурным слоем. Монохромность живописи и именно использование белого цвета в картине подчёркивают многогранность и неоднозначность символических образов. О «великом безмолвии» белого цвета писал ещё В. Кандинский: «...это безмолвие... полно возможностей. Белый цвет звучит как молчание, которое может быть внезапно понято». Белый «Храм» Ильи Хегая — это сакральное безмолвие, многозначительное молчание космоса.

Мощным жизнеутверждающим зарядом на полотнах художника проникнуты образы природы. Хегай умеет любоваться миром, он чувствует его красоту и мощь. Его цветущие сады, его сирени и подсолнухи зачастую перестают быть просто предметом изображения, а слагают полноценные образы, передающие различные эмоциональные состояния. То же можно сказать и о натюрмортах мастера. Художник сосредоточен не только на точности в передаче материальной стороны (мы видим рыхлость спелых арбузов, тёплую бархатистость персиков и т. д.) — его предметный мир психологичен. Мажорные созвучия жёлтого, оранжевого, киновари создают радостное настроение «Гладиолусов» (1994), дерзкими свежими нотами звучат изумрудно-белые переливы «Жасмина» (2001). Гимном красоте и торжеству жизни можно назвать «Натюрморт с яблоками» (2009) — эту работу, одну из последних, Илья Николаевич посвятил памяти своего главного учителя — Владимира Александровича Эйферта.

Явление. 1995. Холст, масло, 90x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Несколько слов о технике художника. Один из его любимых приёмов — использование сухой краски для придания дополнительного объёма. Во многих работах живописца часто встречается и коллаж. Наклеенные на холст и органично включённые в красочную массу предметы (верёвки, кусочки ткани, деревянные веточки и т. д.) используются как средство художественной выразительности, создавая дополнительный подтекст: битые ёлочные игрушки подчёркивают блеск змеиной кожи в центральной части триптиха «Жизнь» (1990); авоська, включённая в картину «В сетке» (1990), составляет основу композиционного решения натюрморта и придаёт ему дополнительную эмоциональную окраску — здесь и элемент игры со зрителем, и отчётливо различимые нотки ностальгии (ведь авоська — один из самых

Рождение планеты. 1989. Фрагмент.

В сетке. 1990. Фрагмент.

узнаваемых символов советских времён). В некоторых полотнах именно коллаж способствует воплощению авторского замысла, формирует смысловое содержание. Так, кружевной детский чепчик, ставший «ядром» рождающейся звезды, будит ассоциативные связи и придаёт картине «Рождение планеты» (1989) дополнительные смыслы (новый человек как новый мир). А шнур, включённый в композицию картины «Божье яблоко» (1999), не просто символизирует змея-искусителя, но слагает петлю, подталкивая к размышлениям о добре и зле (змея—Иуда—возмездие—расплата).

Изучение художественных открытий, творческого почерка Ильи Хегая—интереснейшая задача будущих искусствоведческих исследований. Закончить же этот набросок хотелось бы обращением к последнему автопортрету художника, написанному в 2002 году. Хегай изобразил себя за работой, с палитрой и кистью в руках. Отсутствие второстепенных деталей, бытовых подробностей позволяет целиком сосредоточиться на характеристике личности художника. Внимательный и твёрдый взгляд, уверенный, гордый поворот головы—мы видим человека, который не боится прямо, открыто смотреть в глаза зрителю. Глядя на «Автопортрет», понимаешь: это человек, которому открылось многое, и которому есть о чём рассказать. А зрителю, несомненно, будет о чём подумать.

ЖИВОПИСЬ

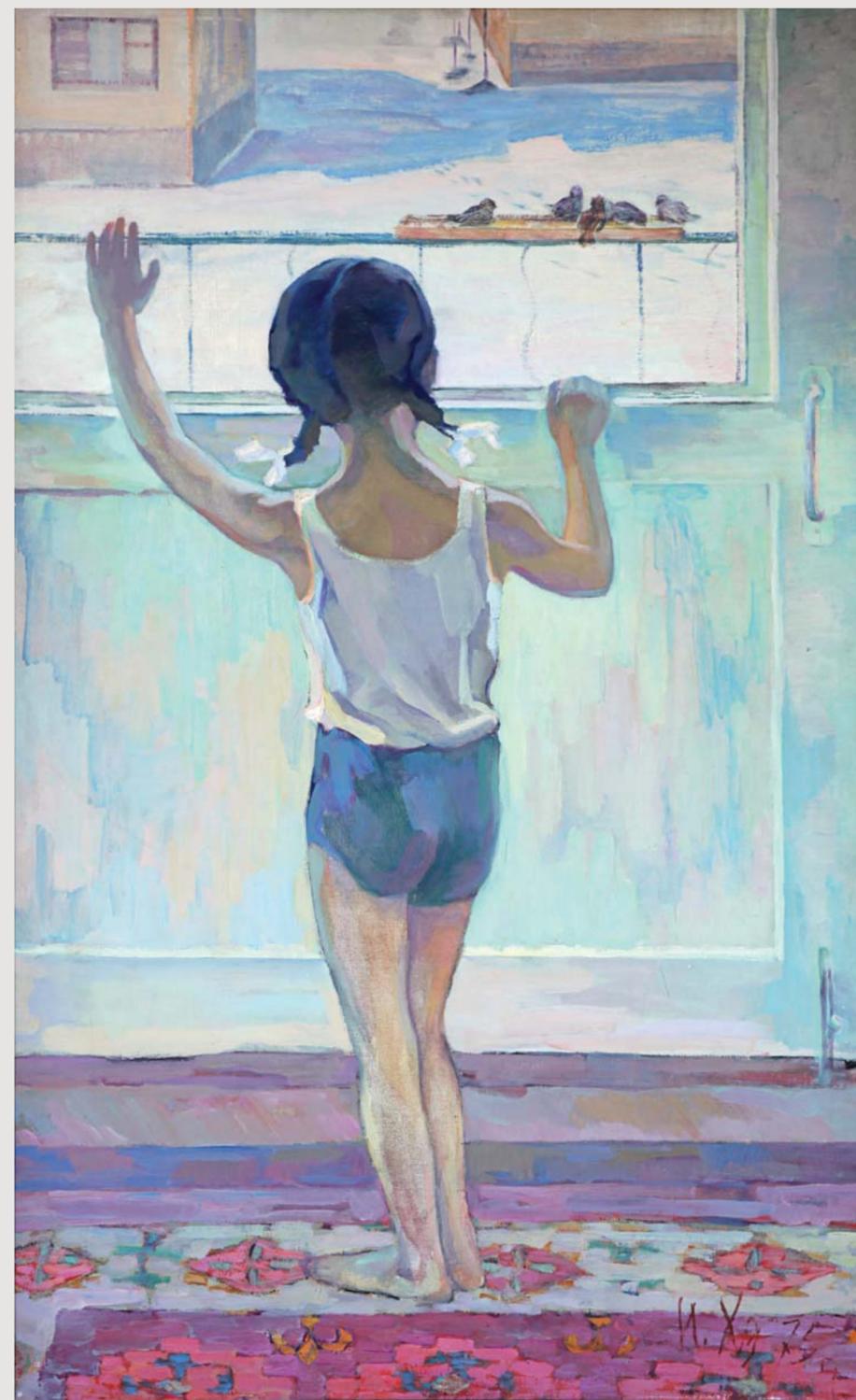
Автопортрет. 1952. Холст, масло, 49x36. Собрание семьи Хегай.

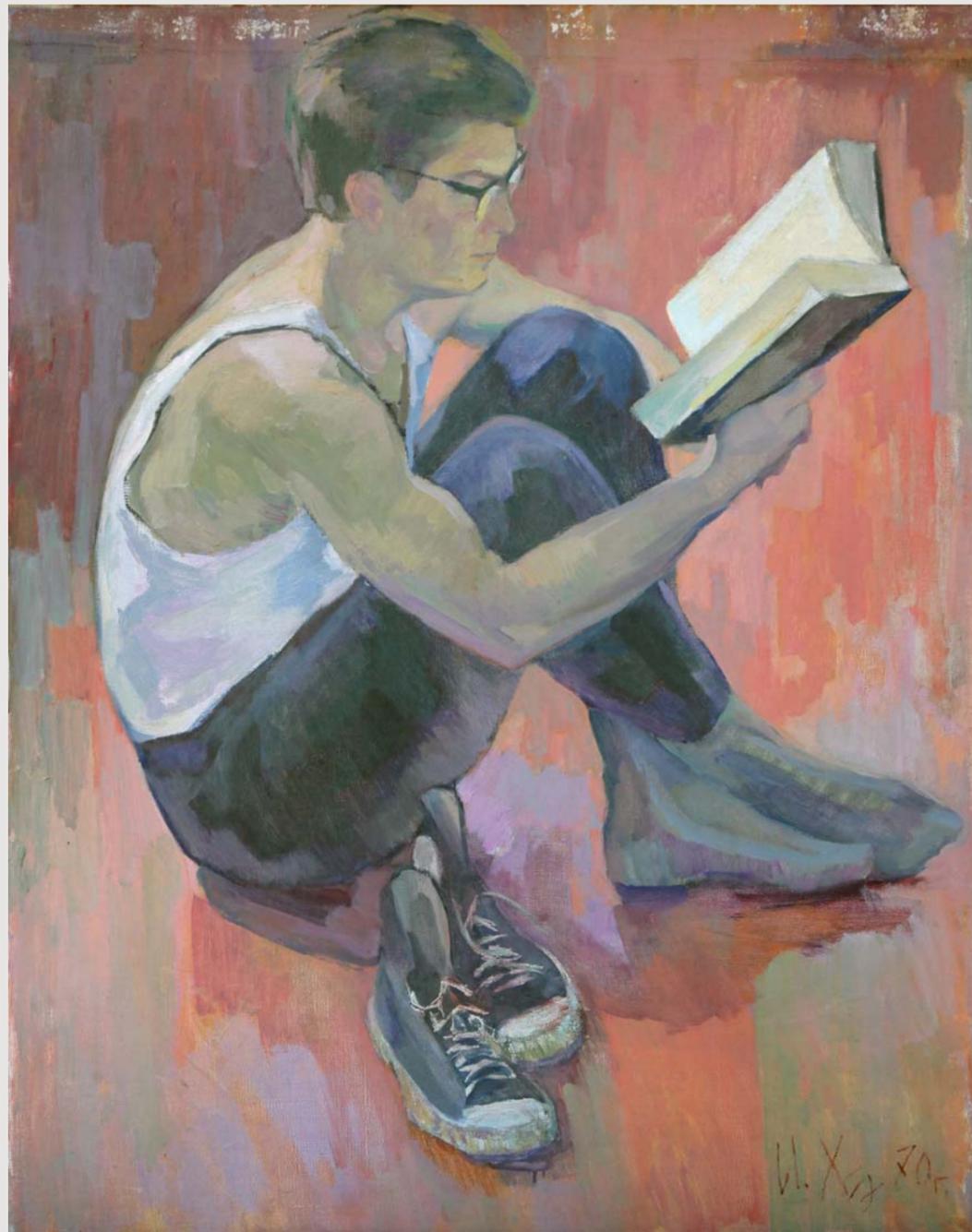
Без названия (Жанровая сцена). 1955. Холст, масло, 110x129. Собрание семьи Хегай.

Без названия (портрет жены). 1960-е. Холст, масло, 59x45. Собрание семьи Хегай.

Девочка у окна. 1968. Холст, масло, 130x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Студент. 1970. Холст, масло, 105x85. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Жанровая сцена. 1968. Холст, масло, 125x120. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Мальшка. 1970. Холст, масло, 80x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

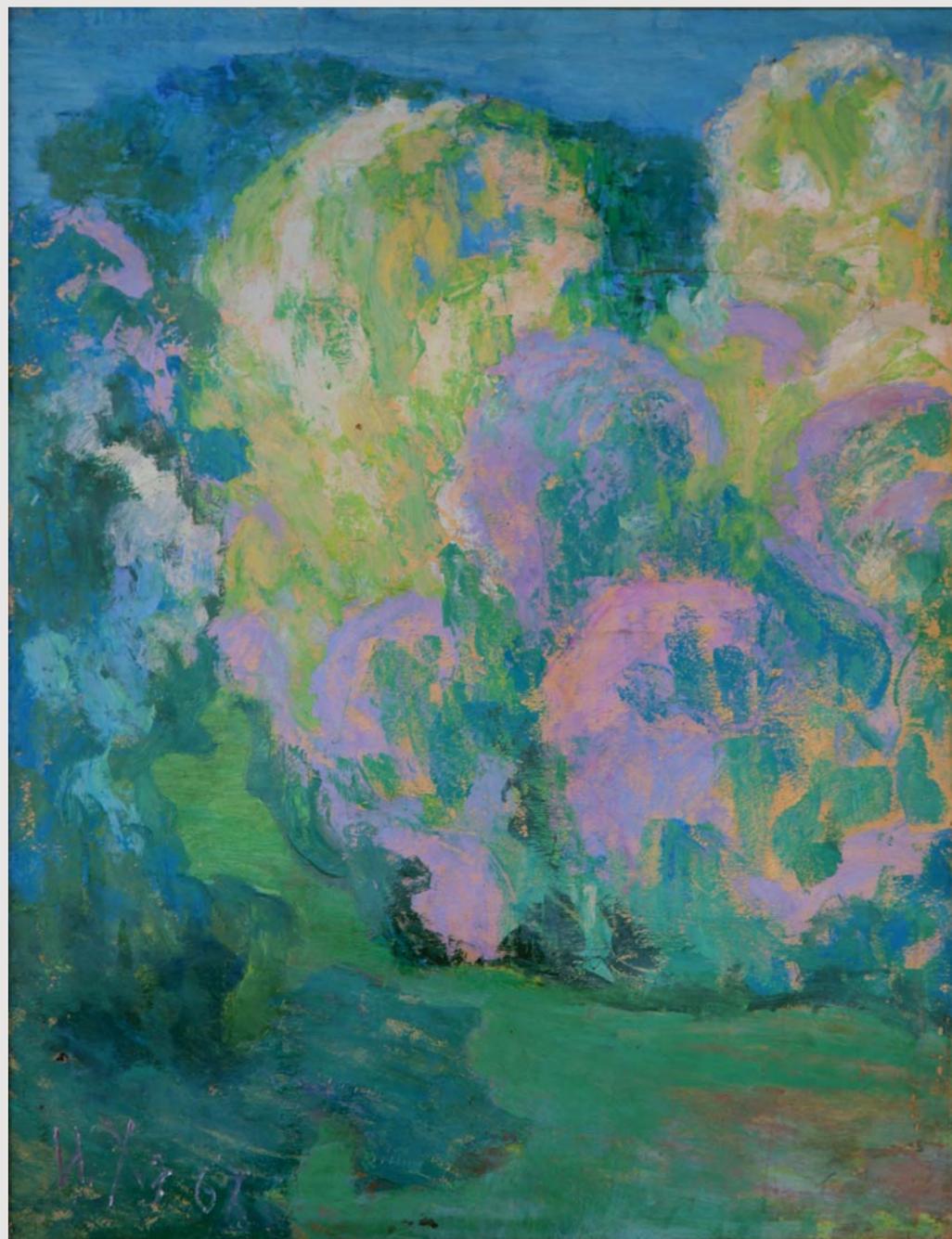
Девочка. 1970. Холст, масло, 83x92. Частное собрание, г. Старый Оскол.

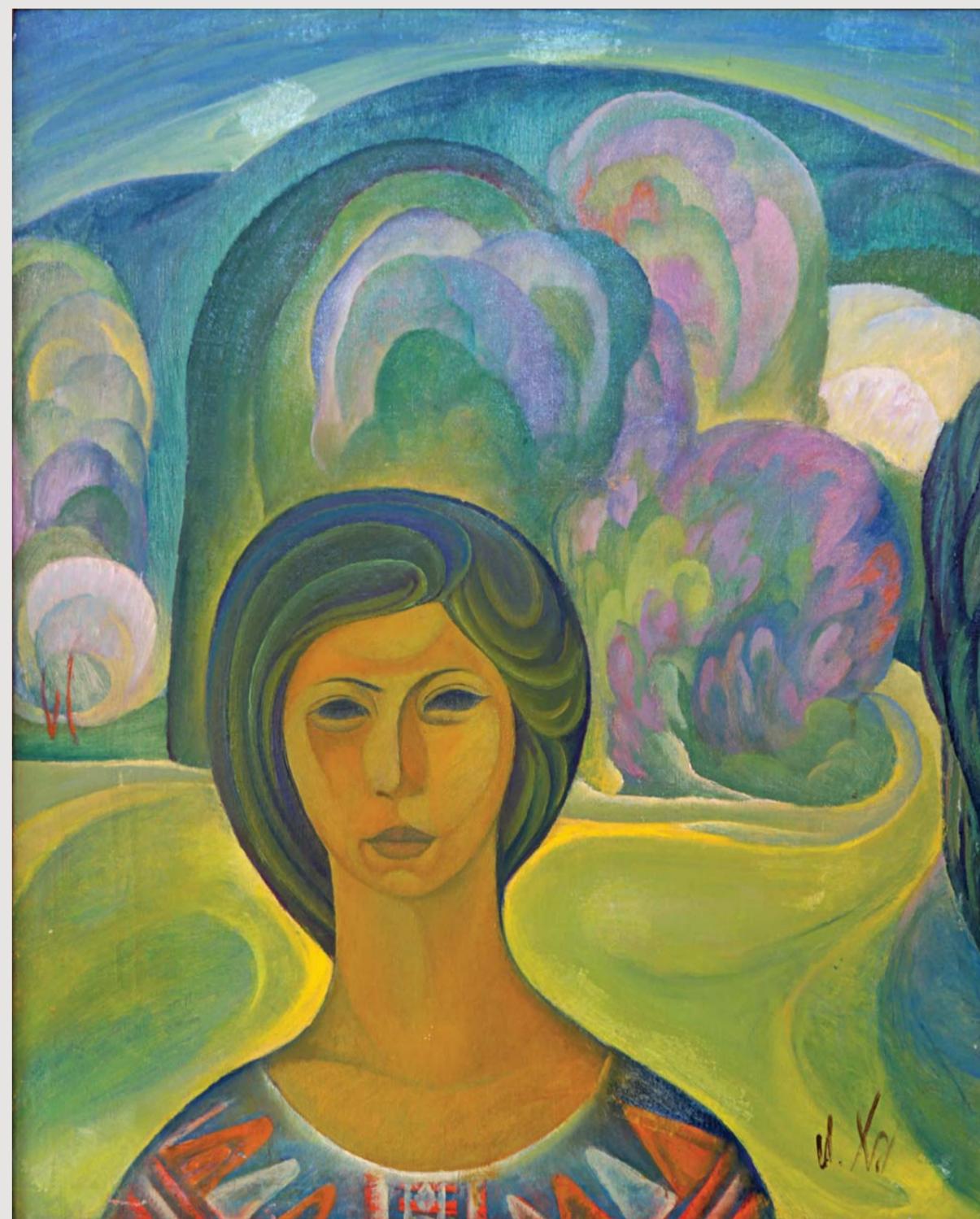
Казахстан (этуд). 1973. Картон, масло, 35x51. Собрание семьи Хегай.

Дюны. 1967. Холст, масло, 135x105. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Сирени. 1967. Картон, масло 80x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

В саду. Весна. 1968. Холст, масло, 86x69. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Хулахуп. 1977. Холст, масло, 186х97. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Ожидание. 1978. Холст, масло, 90х83. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Весна в Темиртау. 1969. Холст, масло, 80x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Портрет певицы. 1977. Холст, масло, 60x57. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Дед Шакин. 1978. Холст, масло, 173x98. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Вид на Криково. 1975. Холст, масло, 100x112. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Девочка на подоконнике. 1977. Холст, масло, 100x75. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

Дима. 1976. Холст, масло, 59x76. Собрание семьи Хегай.

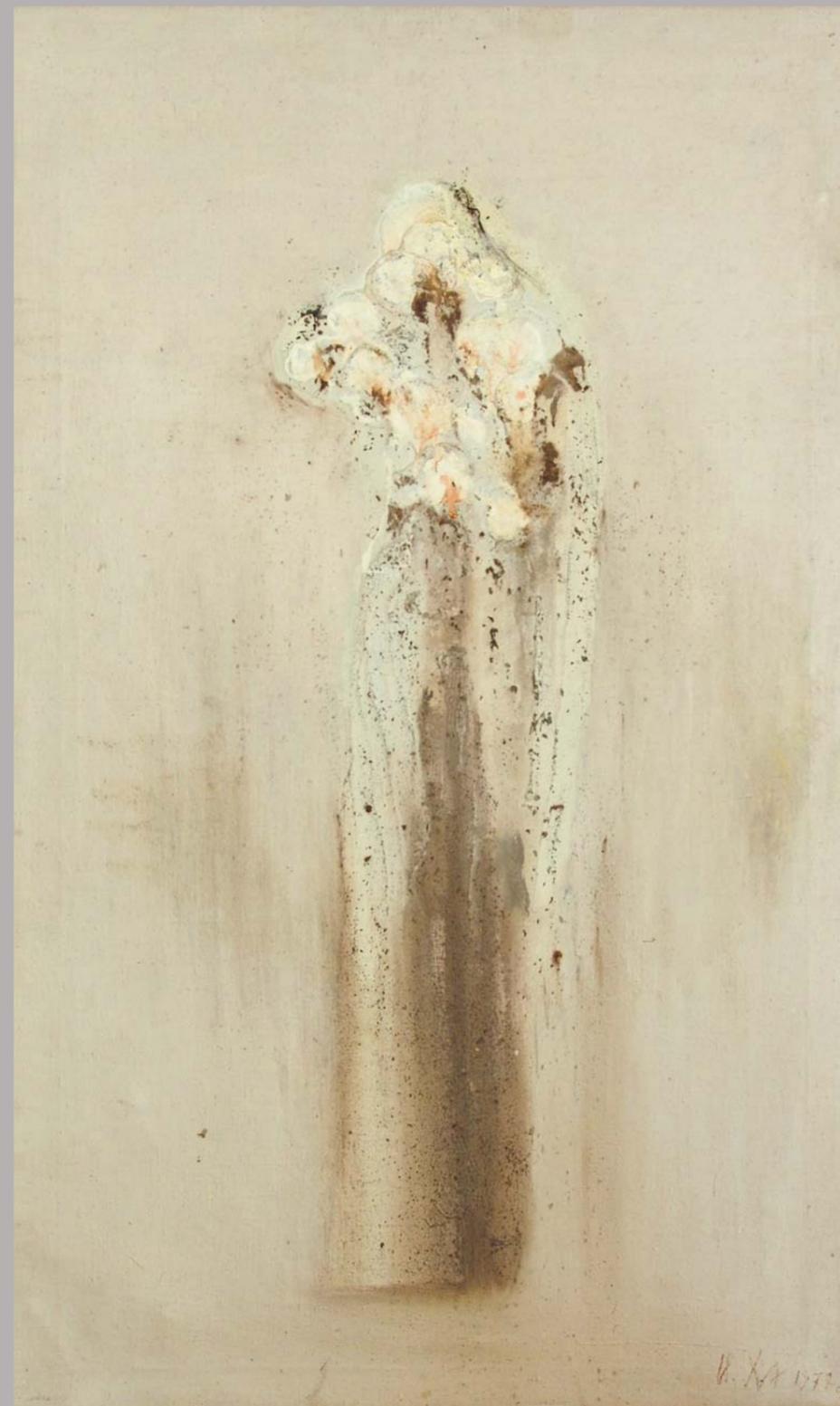
Материнство. 1979. Холст, масло, 95x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Юрта. 1979. Холст, масло, 100x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

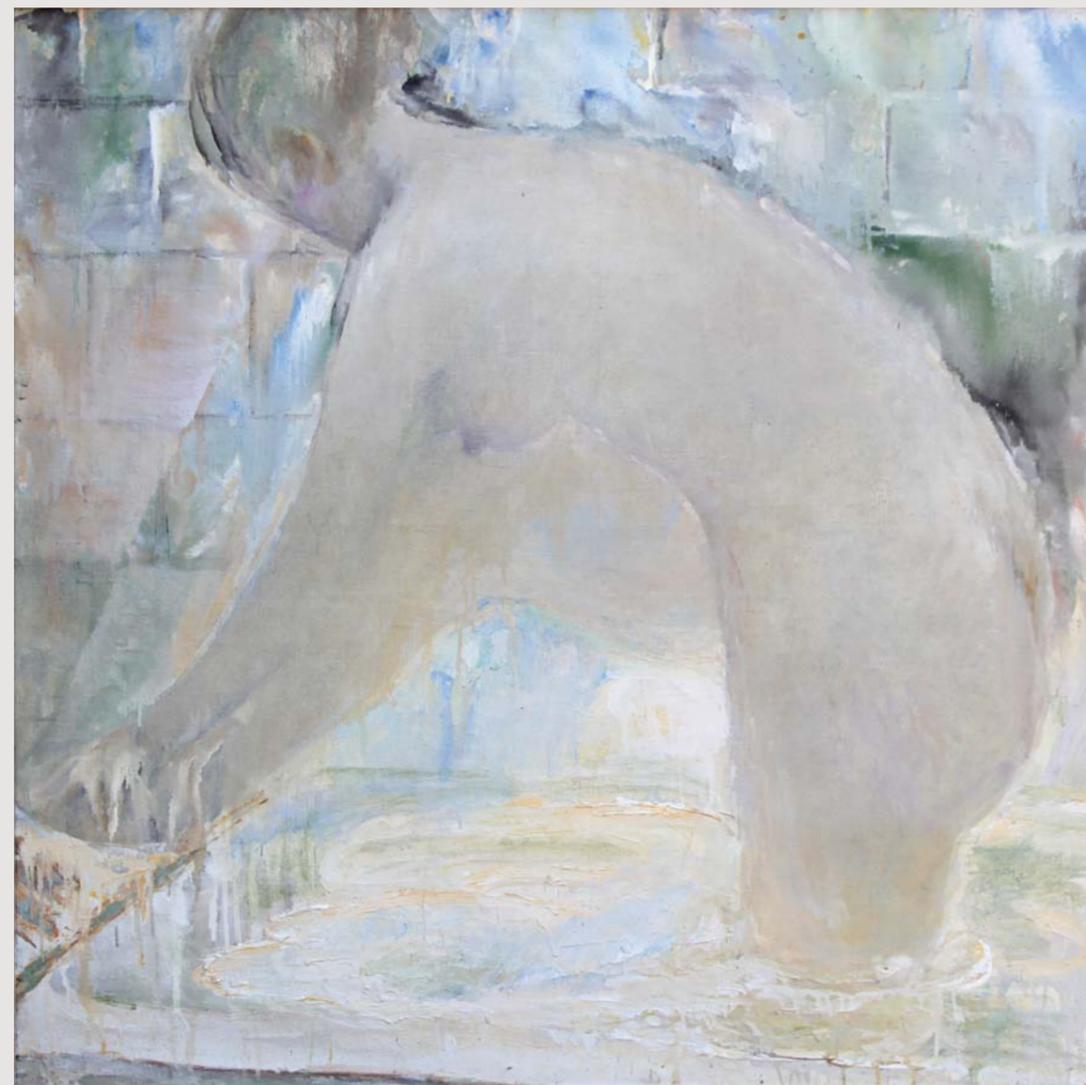
Автопортрет. 1978. Холст, масло, 67х60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Любовь. 1978. Холст, масло, 130х78. Частное собрание, г. Старый Оскол.

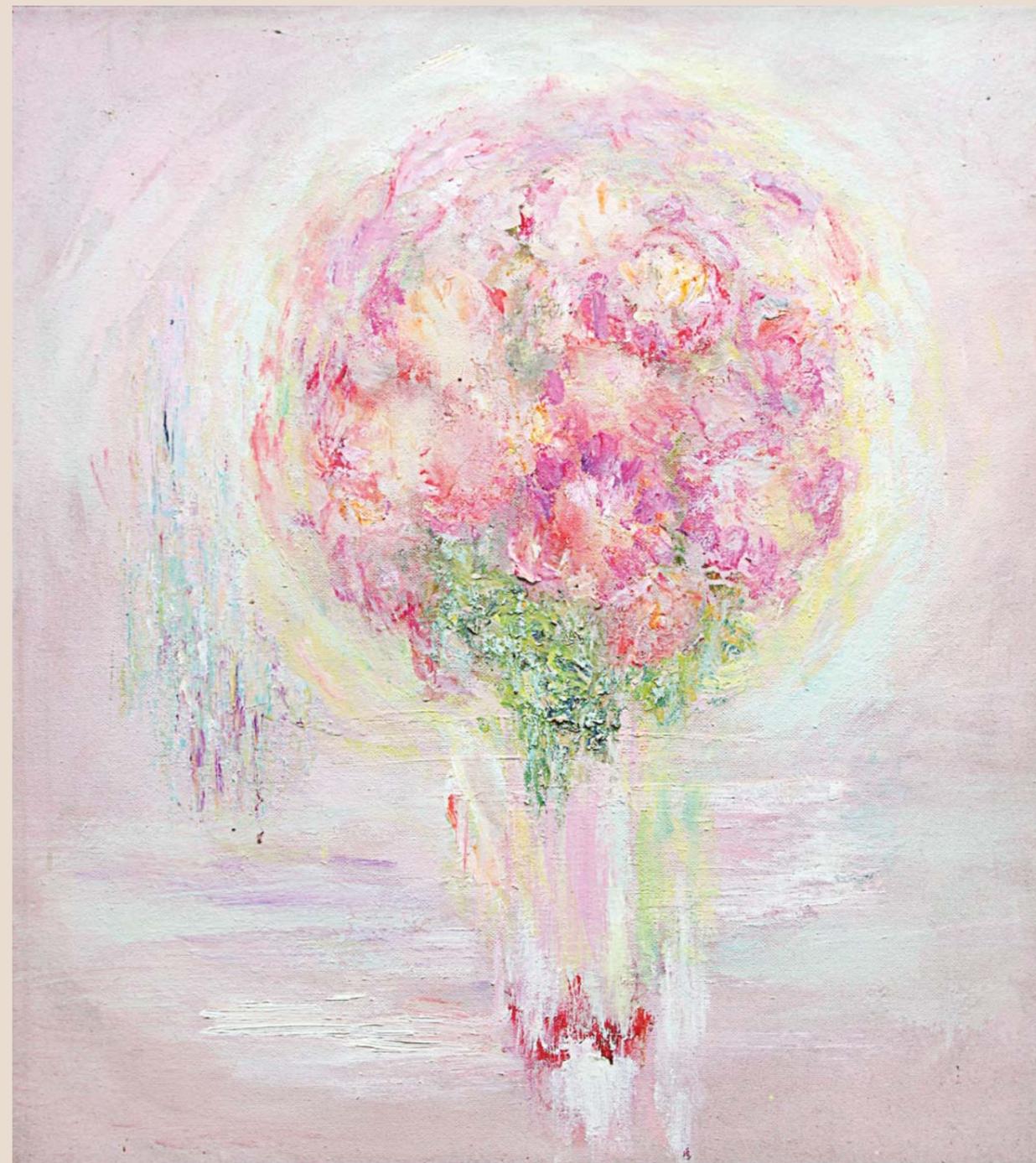
Врата. 1978. Холст, масло, 100x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Обнажённая. 1979. Холст, масло, 100x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Наташа. 1981. Холст, масло, 95x75. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Розовые цветы. 1985. Холст, масло, 65x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

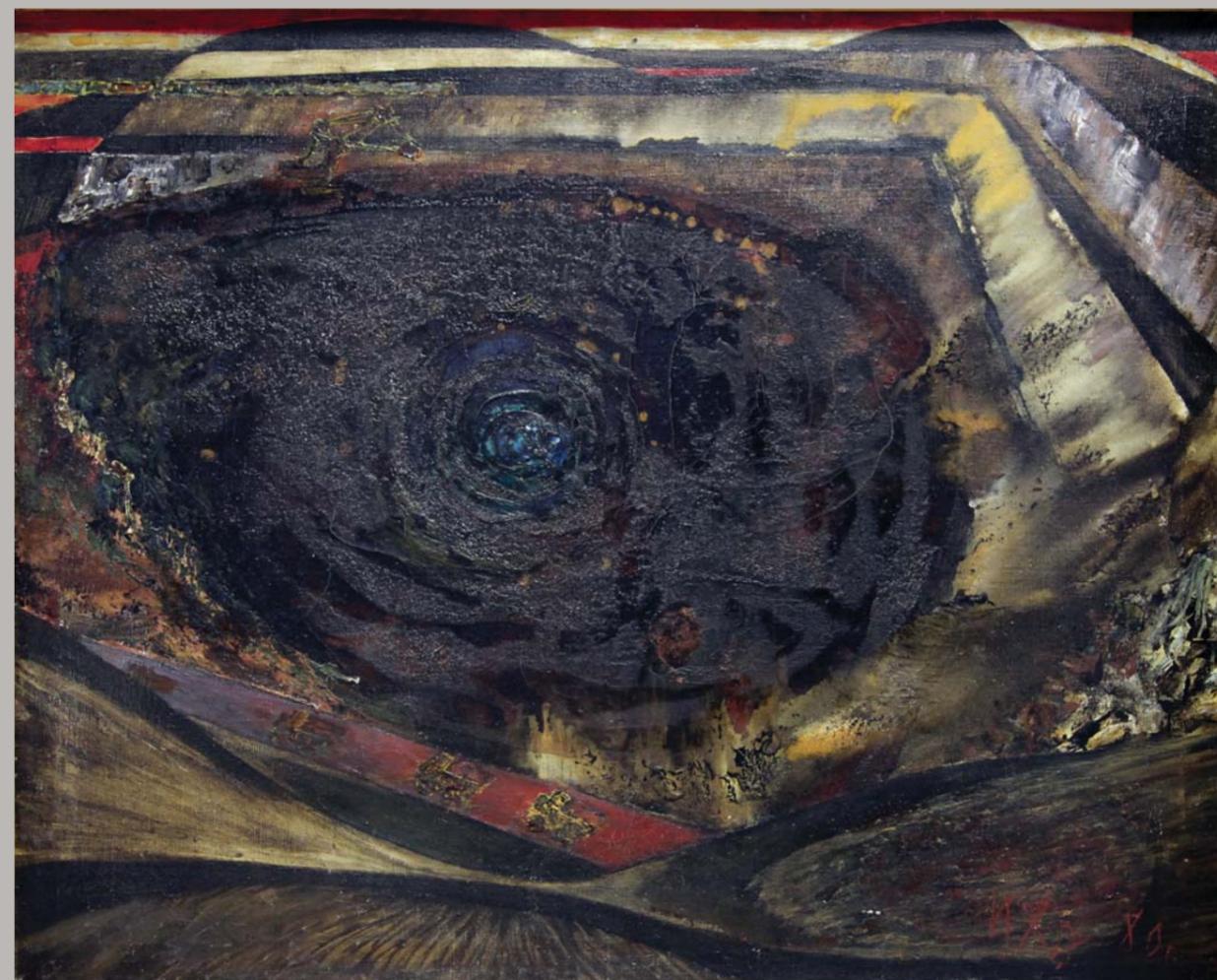
Без названия. Холст, масло, 132x101. Собрание семьи Хегай.

Терриконы. 1979. Холст, масло, 112x97. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Взрыв. 1980–1982. Холст, масло, 150x112. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Карьер. 1980. Холст, масло, 98x120. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Рудник. 1981. Холст, масло, 110x122. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Первая плавка. 1982. Холст, масло, 133x114. Музей Алексея Алексеевича Угарова, г. Старый Оскол

Первая руда. 1980. ДВП, масло, 95x120. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Отходы. 1981-1982. ДВП, масло, 150x115. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Русь. 1980. ДВП, масло, 120x95. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Натюрморт с кувшином. 1981. Холст, масло, 85x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Домик. 1981–1990. Холст, масло, 75x95. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

Портрет жены. 1981. ДВП, масло, 150x98. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Старина. 1980. ДВП, масло, 115x85. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Идёт охота. 1982. Холст, масло, 120x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Ожидание. 1985. Холст, масло, 165x110. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

Белая церковь. 1987. Холст, масло, 120x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

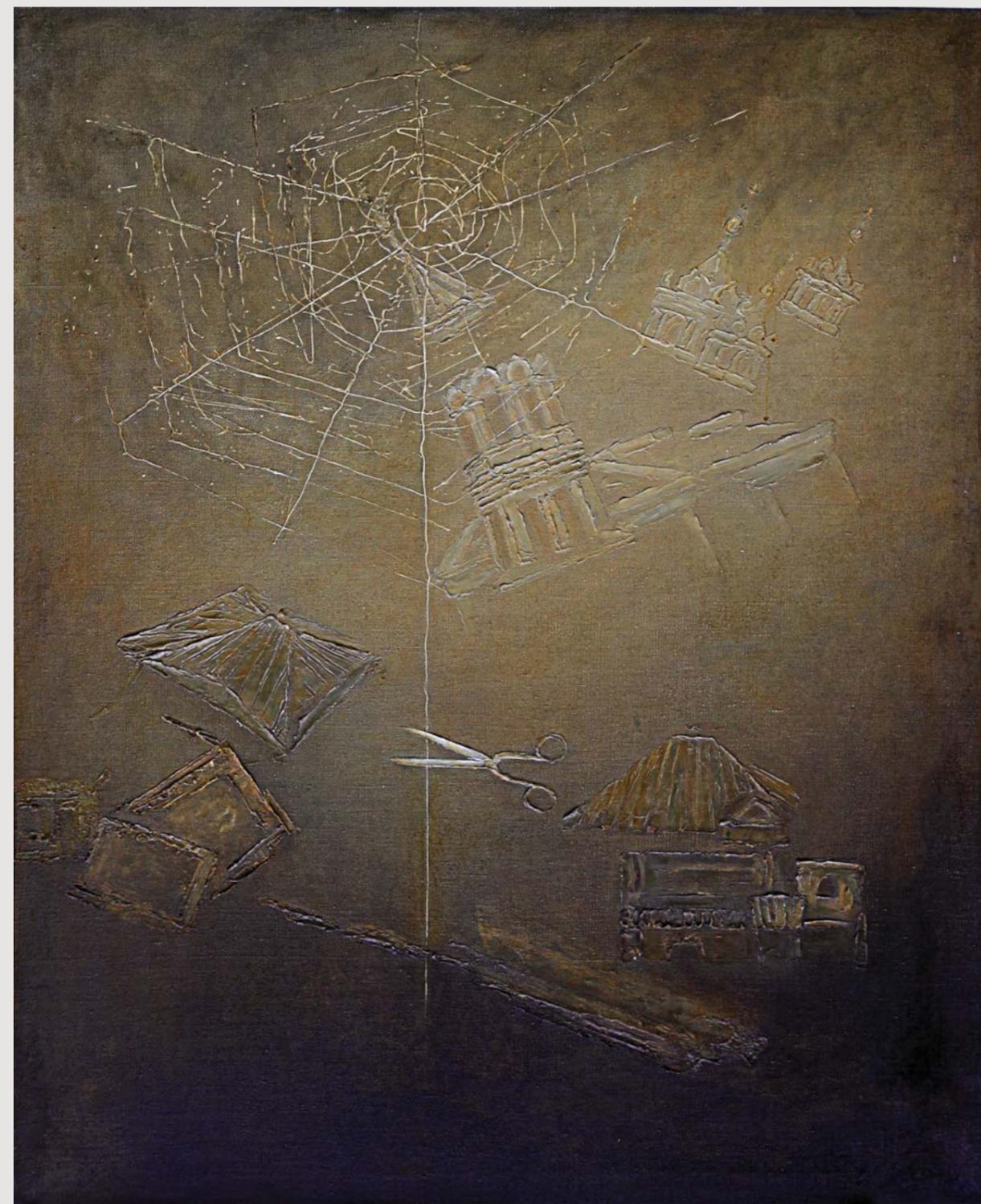
Храм. 1987. Холст, масло, 120x100. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Ожидание. 1992. Холст, масло, 165x120. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Пробуждение. 1988. Холст, масло, 135x115. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Паутина. 1988. Холст, масло, 135x115. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Древо любви. 1991. Холст, масло, 150x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Ностальгия. 1989. Холст, масло, 96x84. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Начало войны. 1994. Холст, масло, 95x83. Частное собрание, г. Старый Оскол.

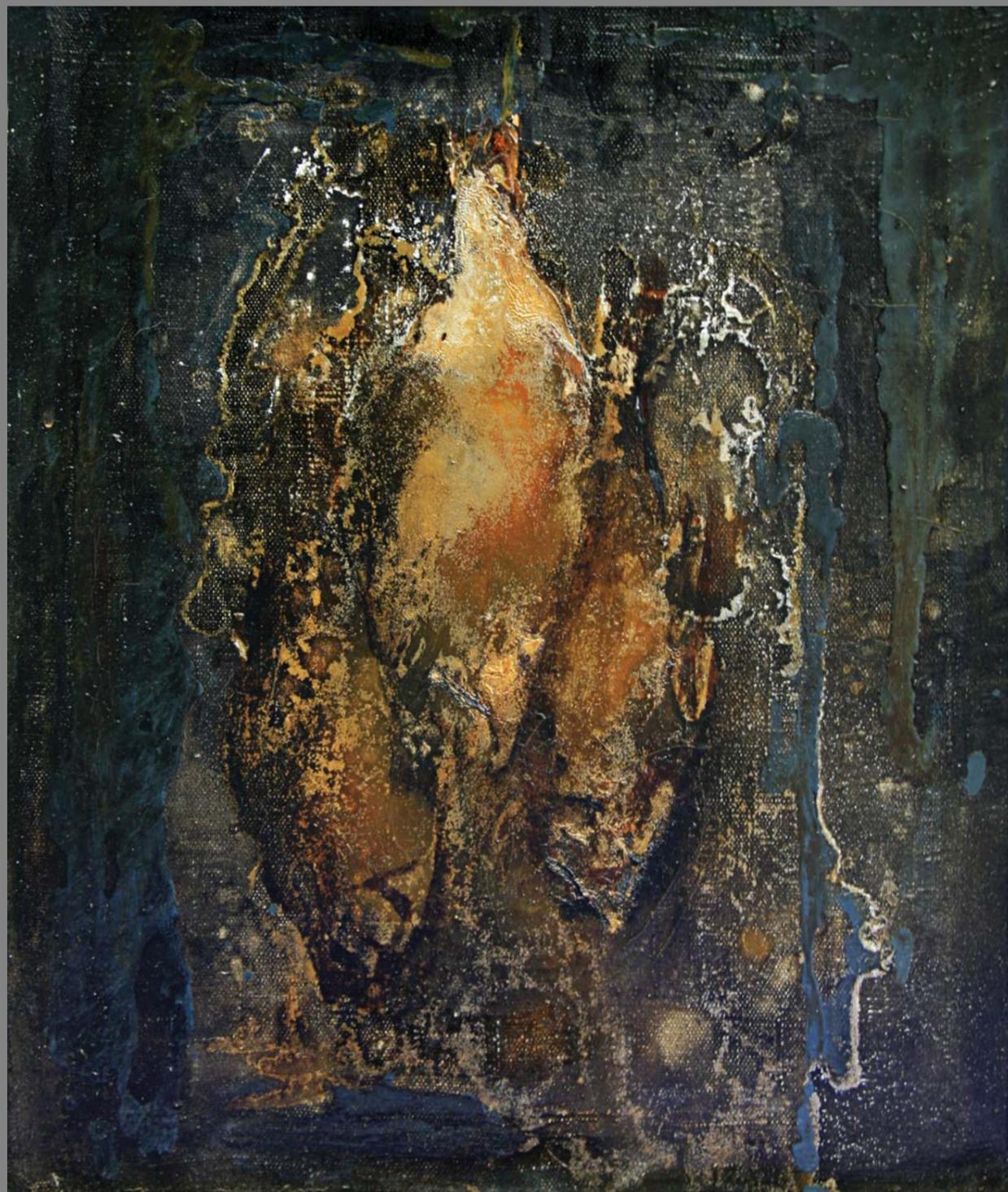
9 мая. 1987. Холст, масло, 120x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Детство. 1985. ДВП, масло, 150x112. Частное собрание, г. Старый Оскол.

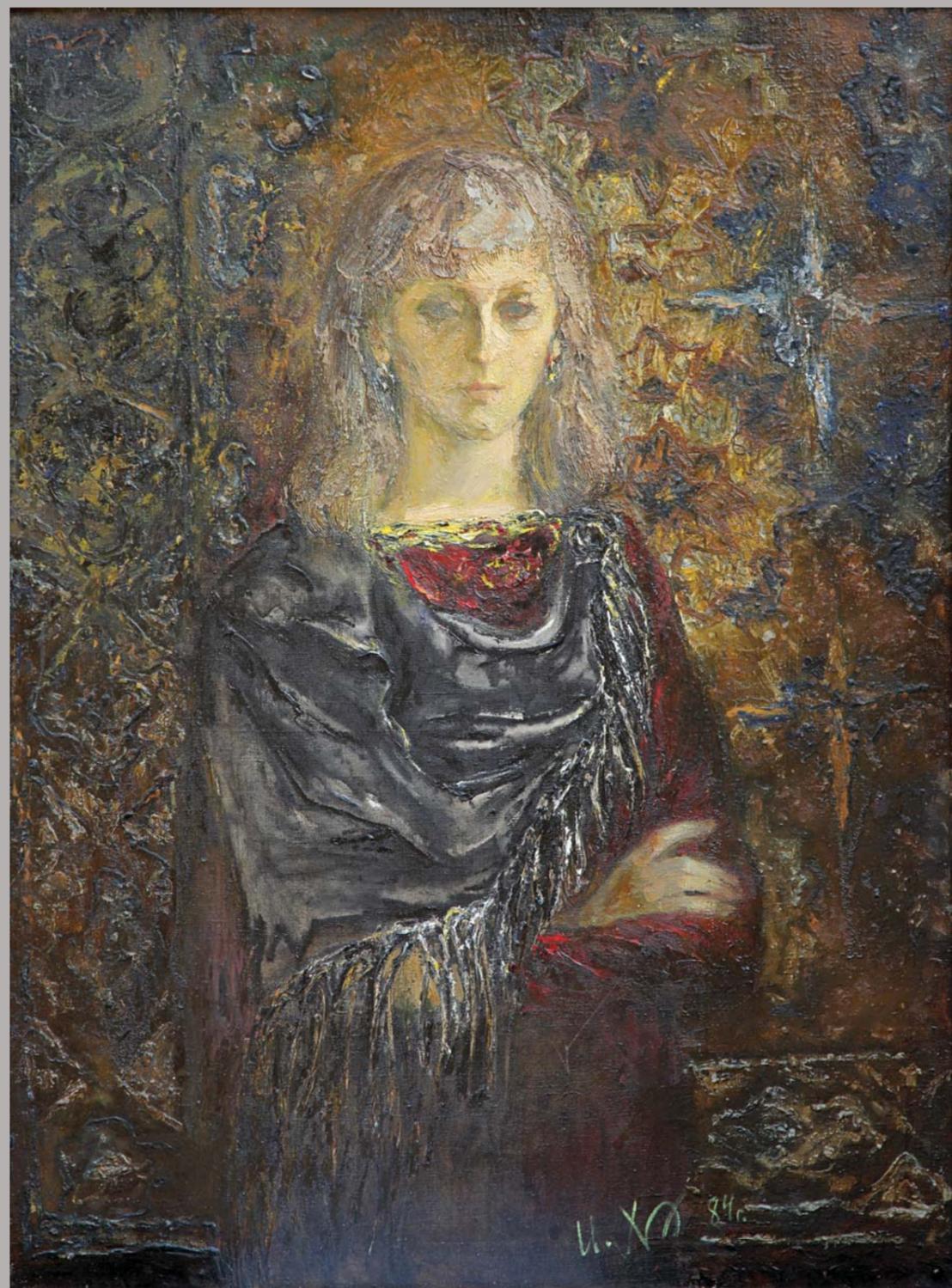
Хлеб. 1982. Холст, масло, 140x120. Частное собрание, г. Старый Оскол.

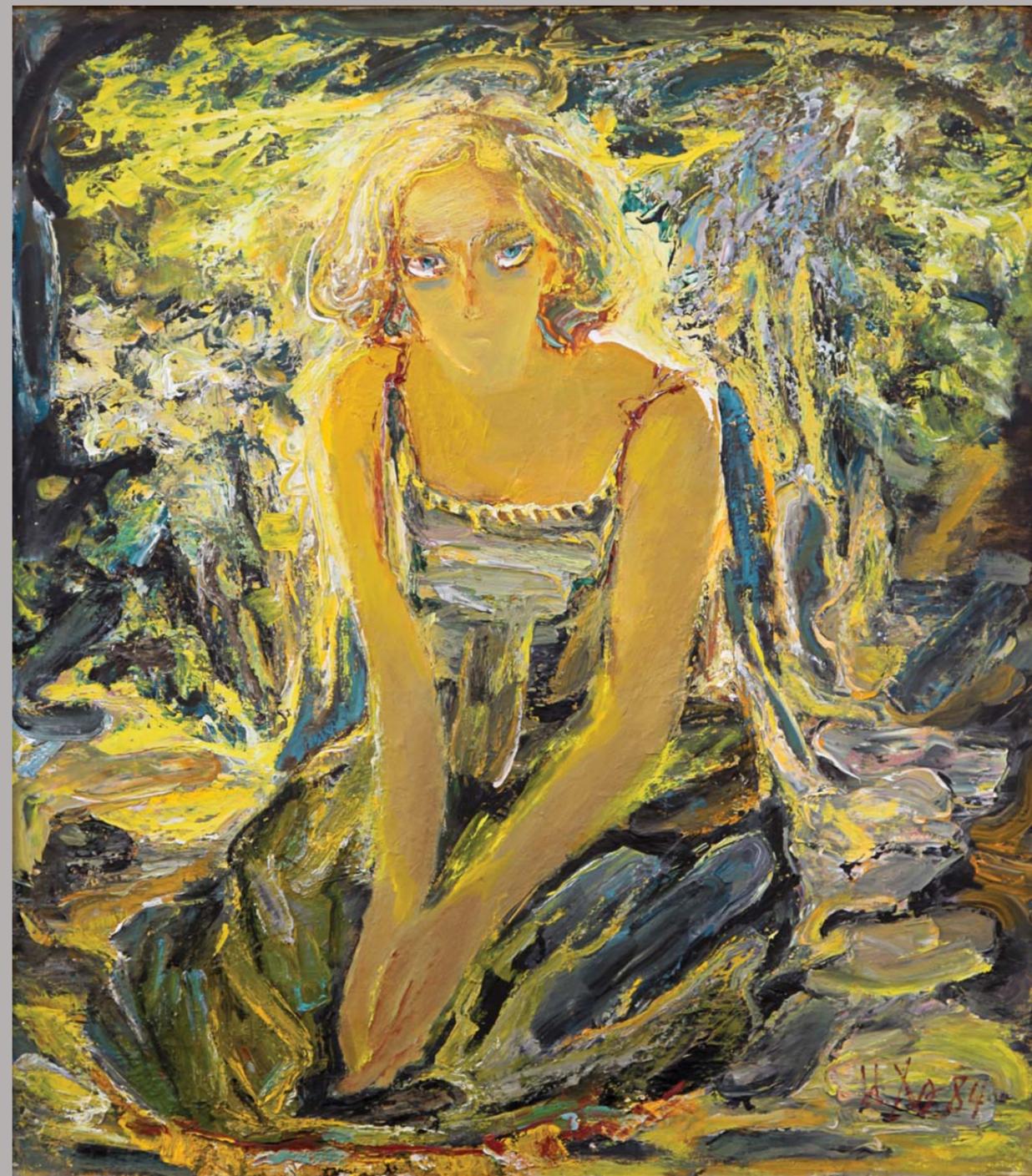
Рыбы. 1980-е. Холст, масло, 51x42. Собрание семьи Хегай.

Капля мёда. 1981. Холст, масло, 47x40. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Лариса. 1984. Холст, масло, 110x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Царевна-лягушка. 1984. Холст, масло, 95x83. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Воспоминание. 1981. Холст, масло, 115x117. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Тоска. Женцина. 1986. Холст, масло, 82x62. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Девушка в кресле. 1987. Холст, масло, 95x83. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Натюрморт. Розы. 1986. Холст, масло, 80x75. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

Оскольская зима. 1984. Холст, масло, 120x125. МКУК «Старооскольский художественный музей».

После дождя. Улица Ленина. 1988. Х., м. 120x100. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Свидетель. 1985. Холст, масло, 118x110. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Нещумов. 1985. Холст, масло, 50x45. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Ноосфера (триптих). 1989. Частное собрание, г. Старый Оскол. Левая часть. Холст, масло, 95x83.

Ноосфера (триптих). 1989. Частное собрание, г. Старый Оскол. Центральная часть. Холст, масло, 100x83.

Ноосфера (триптих). 1989. Частное собрание, г. Старый Оскол. Правая часть. Холст, масло, 95x83.

Жизнь (триптих). 1990. Частное собрание, г. Старый Оскол. Правая часть. Холст, масло, 74x95.

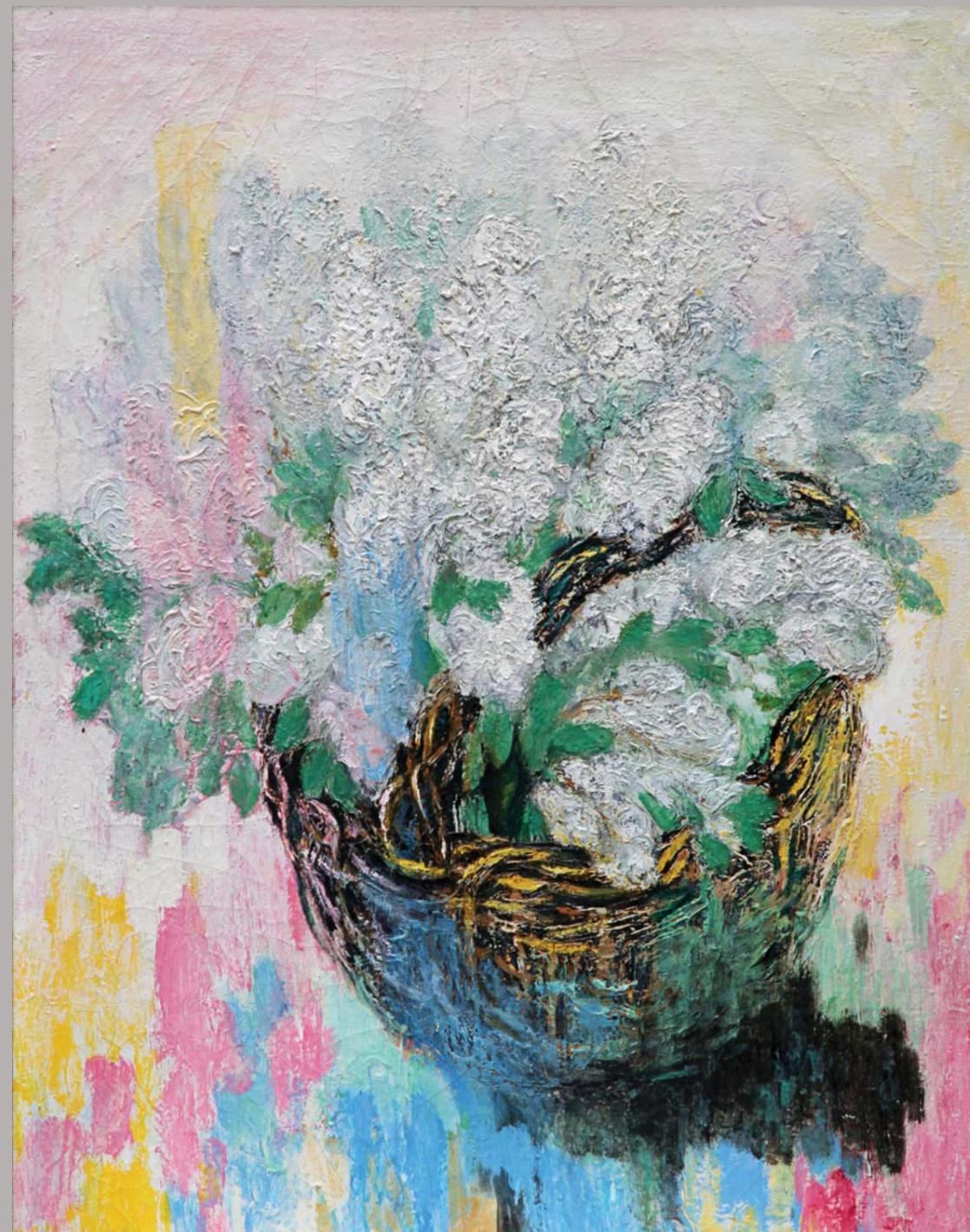
Жизнь (триптих). 1990. Частное собрание, г. Старый Оскол. Центральная часть. Холст, масло, 80x90.

Жизнь (триптих). 1990. Частное собрание, г. Старый Оскол. Левая часть. Холст, масло, 73x95.

Лира. 1985. Холст, масло, 98х99. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Сирень. 1984. Холст, масло, 108х80. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Засохшие цветы. 1982. Холст, масло, 85x75. Частное собрание, г. Старый Оскол.

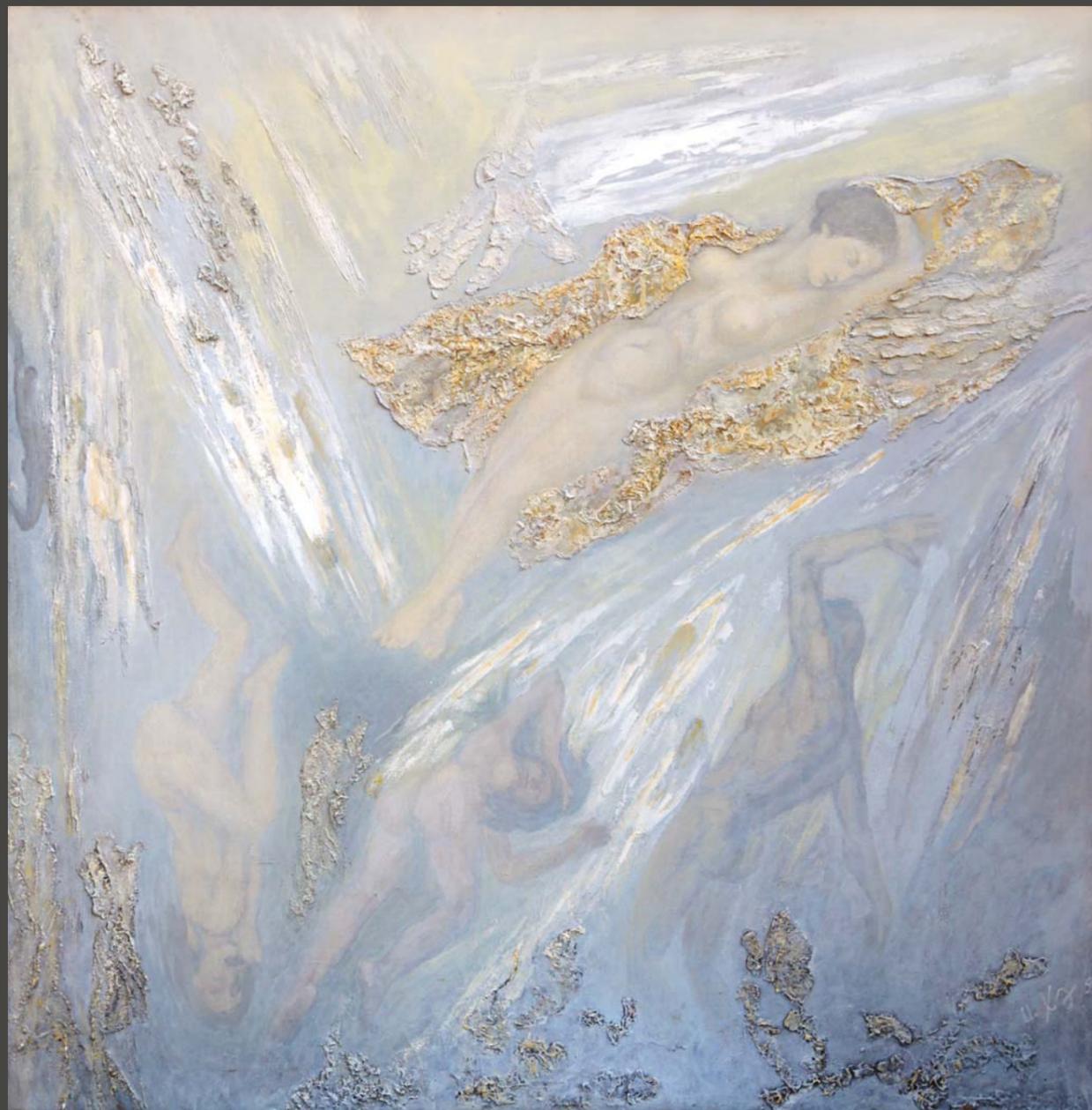
Ольга. 1988. Холст, масло, 83x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Мёртвый лес. 1990. Холст, масло, 80x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Зима. 1987. Холст, масло, 85x80. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

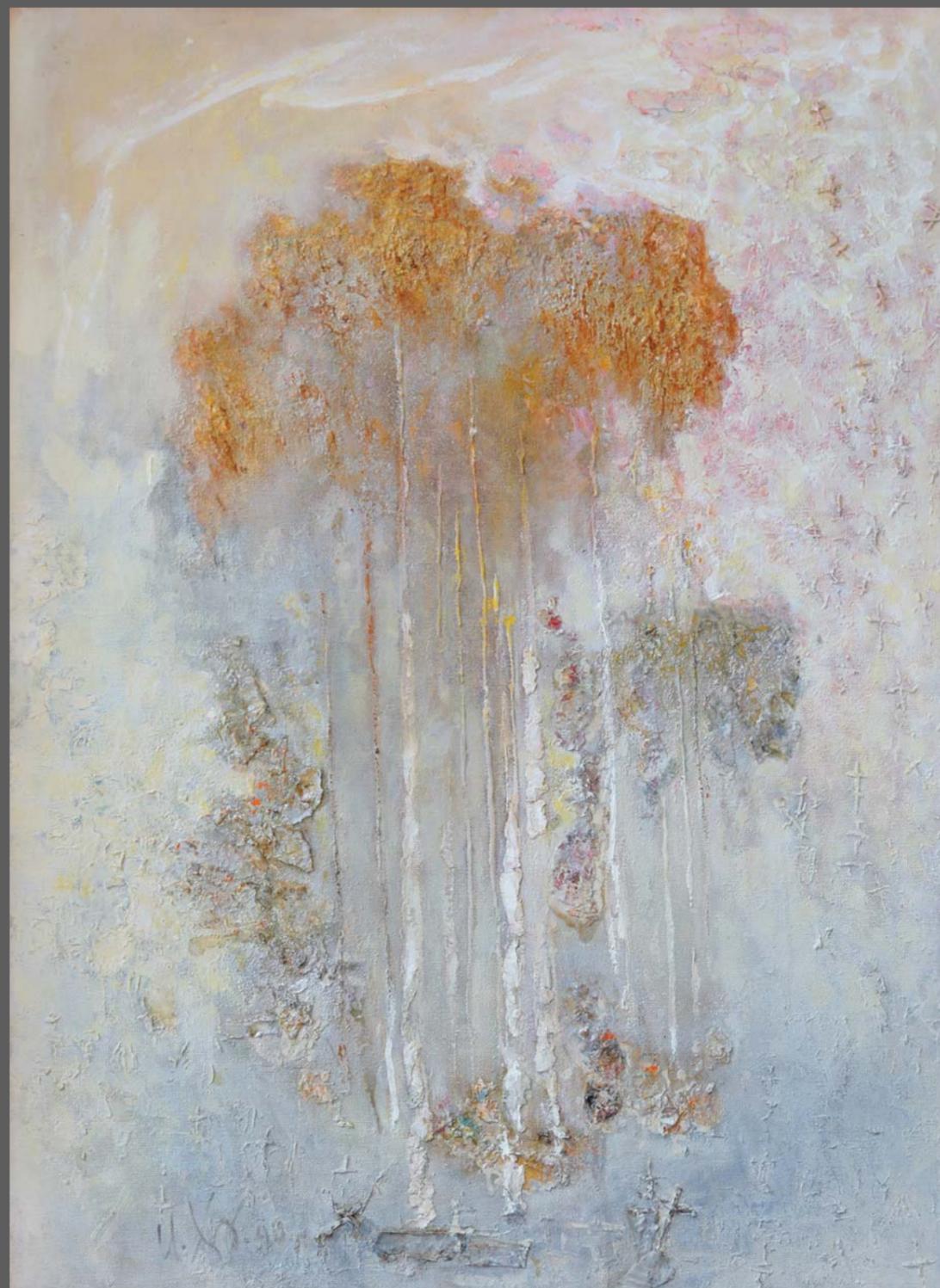
Апокалипсис. 1990. Холст, масло, 145x140. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Вознесение. 1990. Холст, масло, 125x120. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Варлам Шаламов. 1989. Холст, масло, 86x76. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Поминовление. 1990. Холст, масло, 115x85. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Зима. Кружева инея. 1993. Холст, масло, 98x85. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Старость. 1993. Холст, масло, 82x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Розы. 1991. Холст, масло, 63x53 Частное собрание, США.

Розы. 1992. Холст, масло. 55x45. Частное собрание, США.

Сирени. 1991. Холст, масло, 120x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Подсолнухи. 1996. Холст, масло, 75x65. Собрание семьи Хегай.

Ангел. 1996. Холст, масло, 90x100. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Год быка. 1996. Холст, масло, 102x102. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Год овцы. 1998. Холст, масло, 100x88. МКУК «Старооскольский художественный музей».

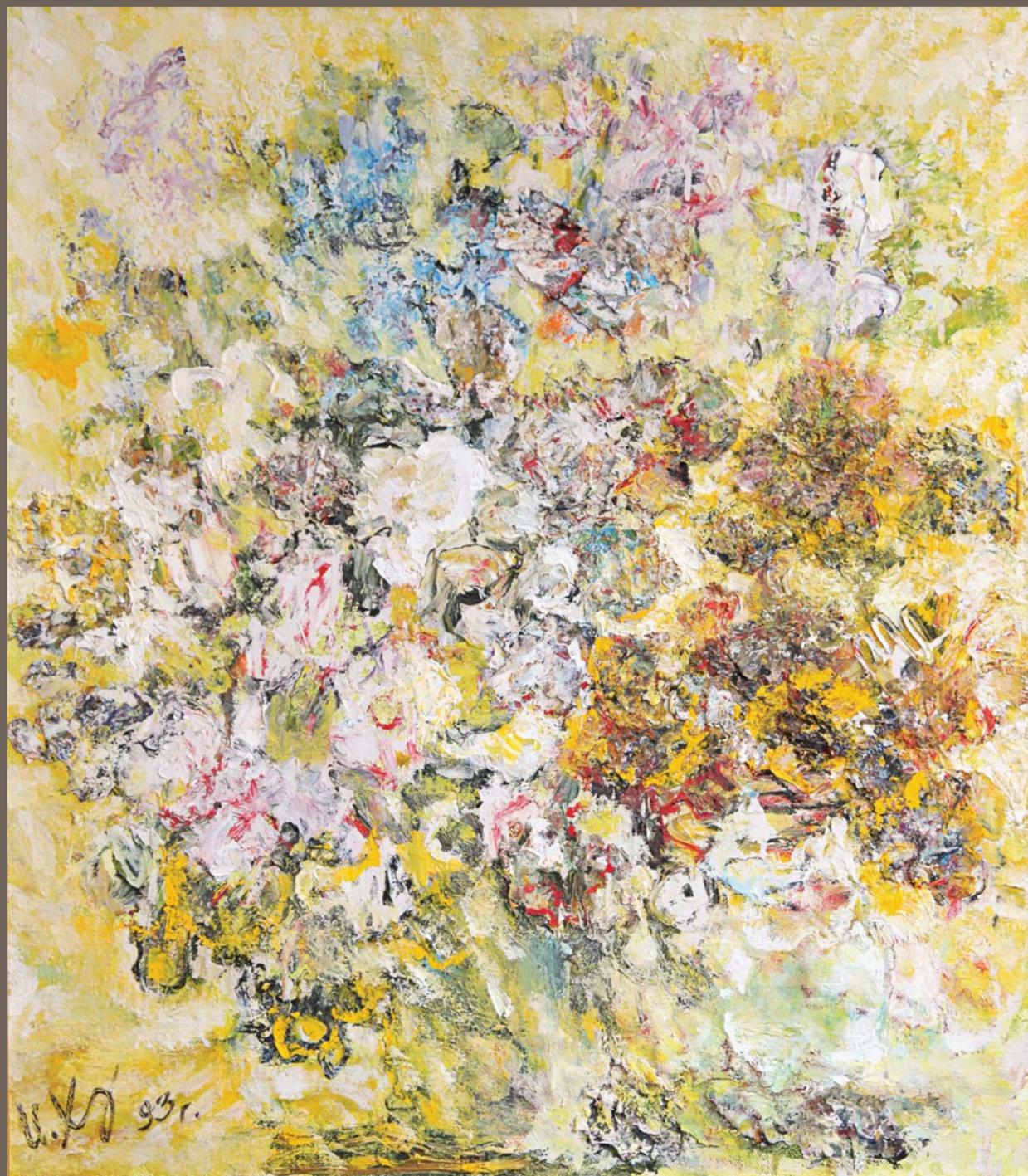
Рождение планеты. 1989. Холст, масло, 110x80. МКУК «Старооскольский художественный музей».

Надежда (XX век). 1991. Холст, масло, 190x95. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Надежда (XXI век). 1991. Холст, масло, 190x95. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Цветы. 1993. Холст, масло, 80x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Илюша. 1994. Холст, масло, 120x100. Собрание семьи Хегай.

Космическая сюита. 1995. Холст, масло, 80x75. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Портрет Веры. 1990. Холст, масло, 95x83. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Лето. 1998. Холст, масло, 65x70. ГБУК «Белгородский государственный художественный музей».

Осень. 1993. Холст, масло, 136x124. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Кармен. 1990. Холст, масло, 110х90. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Весенний хоровод (Сирень). 1999. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Астры. 1999. Холст, масло, 60x65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Цветы. 1995. Холст, масло, 60x56. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Гладиолусы. 1994. Холст, масло, 94x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Божье яблоко. 1999. Холст, масло, 60x65. Собрание семьи Хегай.

Материнство (триптих). 1999. Центральная часть. Холст, масло, 60x65. Собрание семьи Хегай.

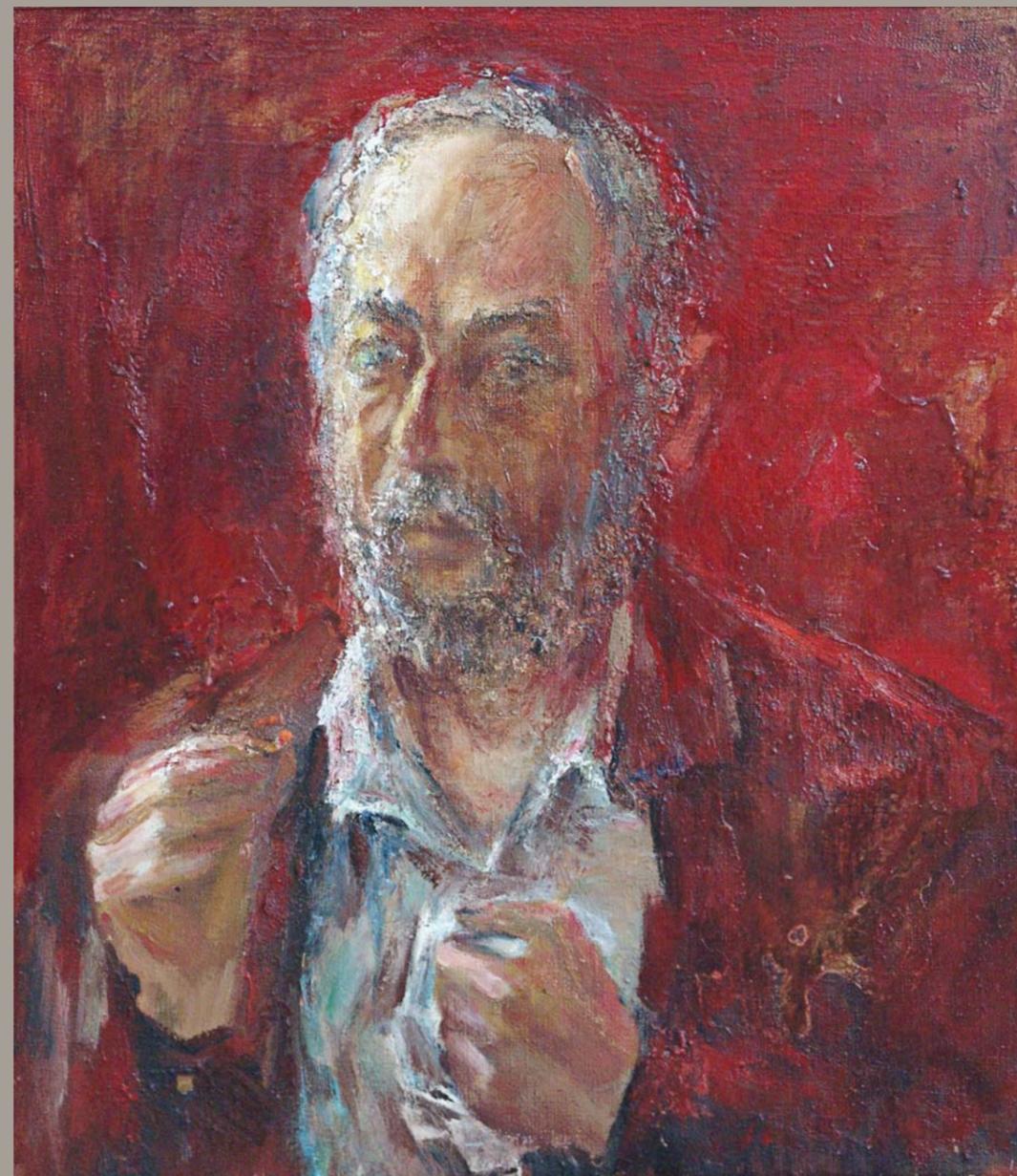
Материнство (триптих). 1999. Левая часть. Холст, масло, 66x60. Собрание семьи Хегай.

Материнство (триптих). 1999. Правая часть. Холст, масло, 66x60. Собрание семьи Хегай.

Истина. 1995. Холст, масло, 92х92. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Портрет Нещумова. 2003. Холст, масло, 88х66. Частное собрание, г. Старый Оскол.

В сетке. 1990. ДВП, масло, 68x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Рождь. 2000-е. Холст, масло, 60x60. Собрание семьи Хегай.

Мясо. 1981. Холст, масло, 40х42. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Рыбы. 1999. Холст, масло, 40х45. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Подсолнухи. 1998. Холст, масло. 90x80. Частное собрание, США.

Дыни. 1999. Холст, масло, 80x90. Частное собрание, США.

Медовый день. 1996. Холст, масло, 72x68. Частное собрание, г. Белгород.

Ирисы. 2000-е. Холст, масло, 65x60. Собрание семьи Хегай.

Груши. 2000. Холст, масло, 45х60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Рыбы (протухли). 1980. ДВП, масло, 60х84. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Ожидание. 2001. Холст, масло, 60x65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Кофе (триптих). Центральная часть. 1992. Холст, масло, 80x68. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Георгины. 2000. Холст, масло, 50х40. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Арбузы. 2000. Холст, масло, 60х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

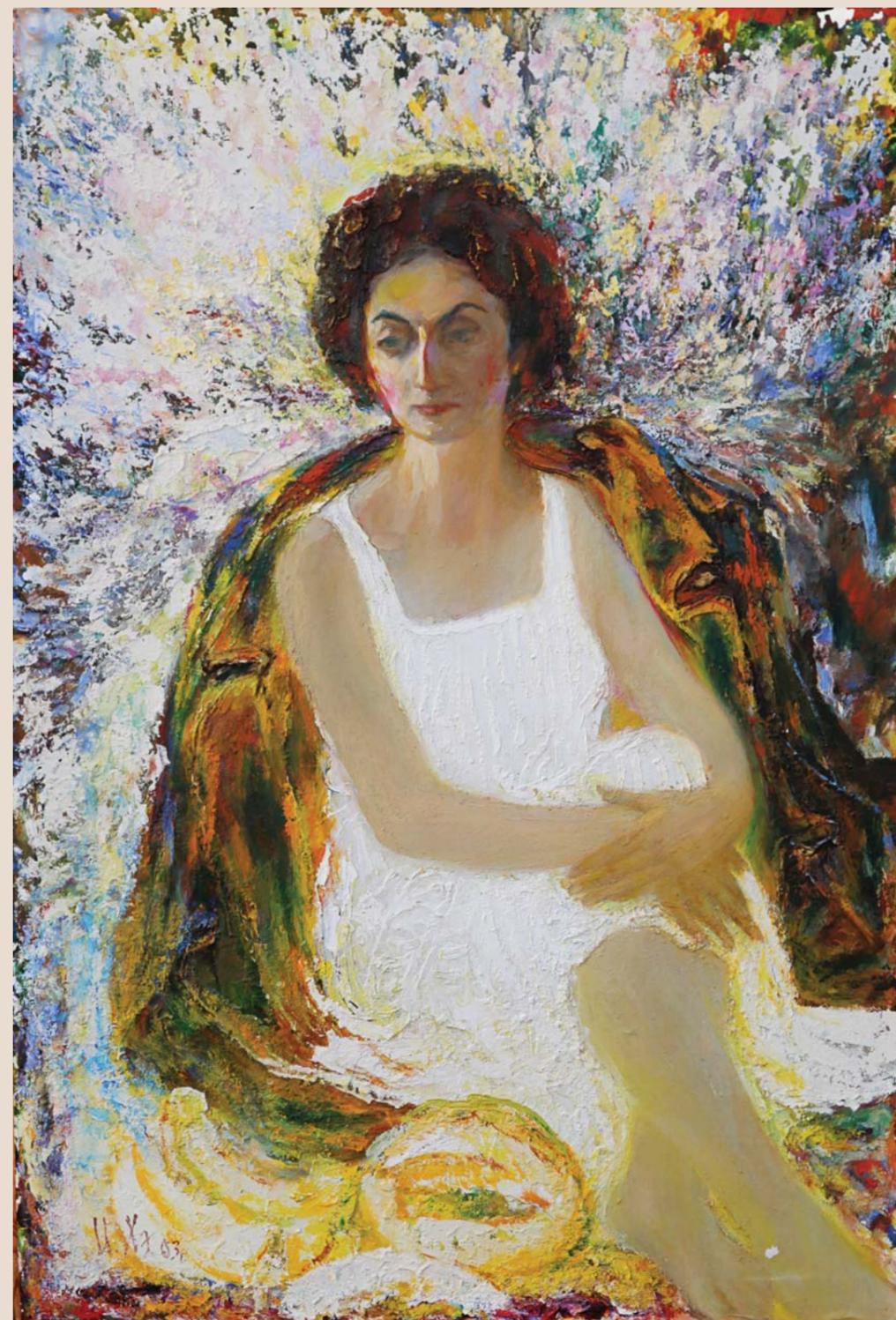
Невеста. 2005. Холст, масло, 120x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Старый Оскол. 1993. Холст, масло, 80x70. Собрание семьи Хегай.

Жасмин. 2001. Холст, масло, 65х70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

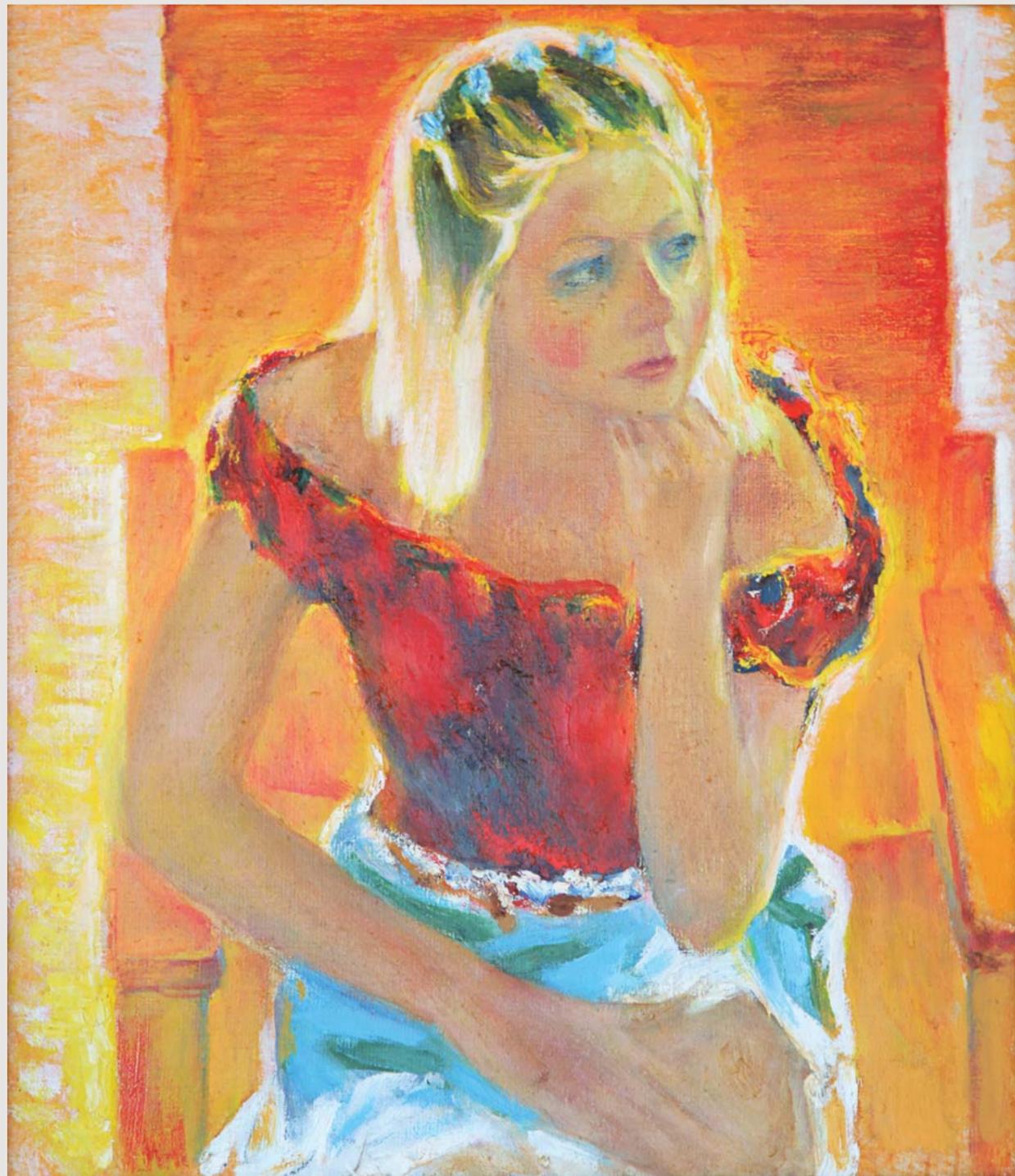
Грёзы. 2003. Холст, масло, 120х80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Запуск ракеты. 2001. Холст, масло, 105x75. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Ледоход. 2003. Холст, масло, 80x90. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Маша. 2003. Холст, масло, 70x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Счастье. 2003. Холст, масло, 45x55. Частное собрание, г. Санкт-Петербург.

Пляж. 1998. Холст, масло, 75x88. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Пруд. 2004. Холст, масло, 83x92. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Закат. 2004. Холст, масло, 110x95. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Портрет жены. 2004. Холст, масло, 80x66. Собрание семьи Хегай.

Тропинка. 1999. Холст, масло, 80x65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Подсолнухи (Поле). 2004. Холст, масло, 125x113. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Старый лес. 1995–1999. Холст, масло, 90x80. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Весна. 2008. Холст, масло, 81x80. Частное собрание, г. Белгород.

Тарханы. 2004. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Оскольская осень. 2006. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Подсолнухи. 2006. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Пионы. 2006. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

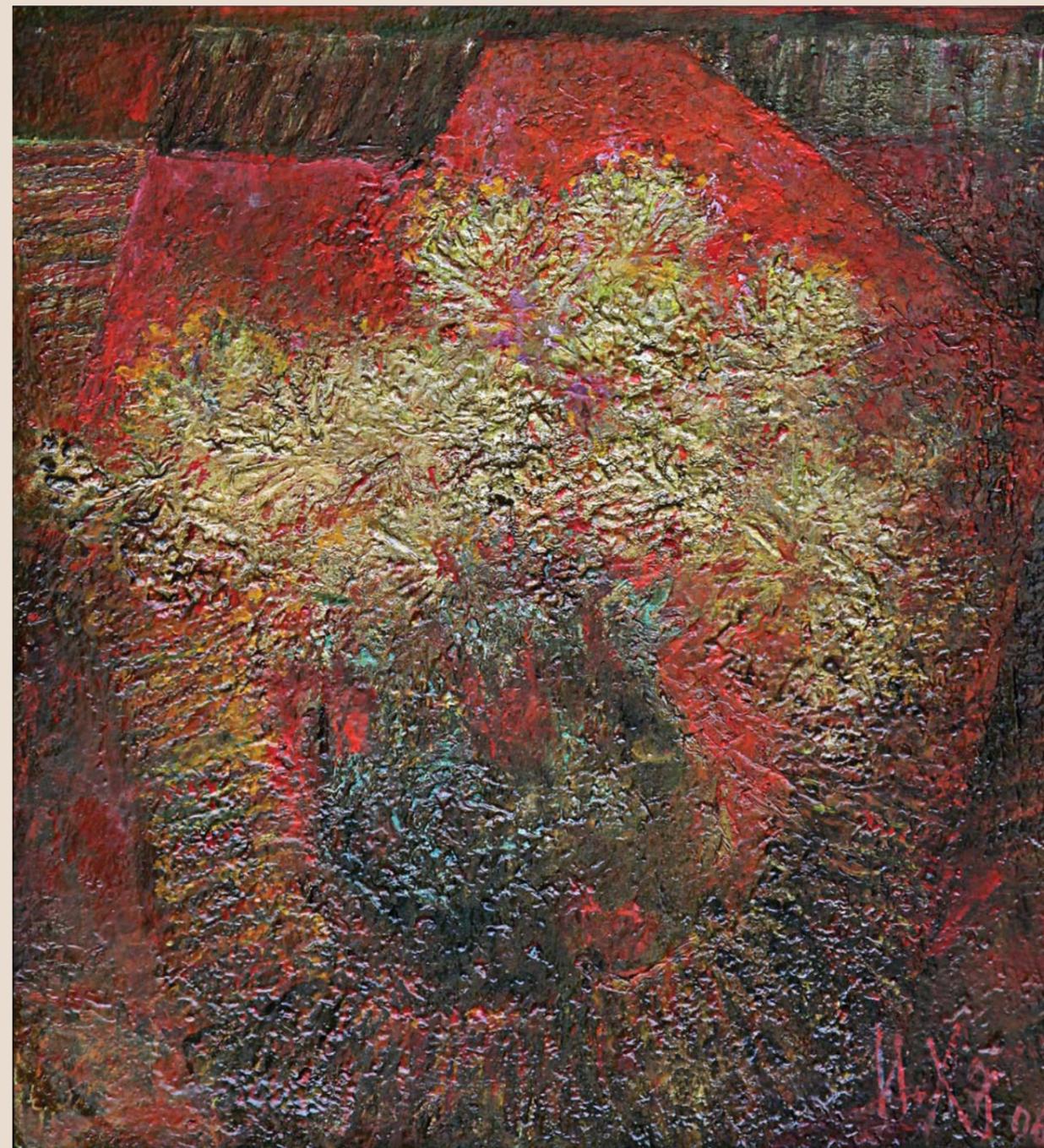
Оскольская зима. 1998. Холст, масло, 65x70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Оскольская зима. 2010. Холст, масло, 59x82. Собрание семьи Хегай.

Спелые подсолнухи. 2007. Холст, масло, 50x40,5. Частное собрание, г. Белгород.

Перстень. 2006. Холст, масло, 65x60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Сирень. 2006. Холст, масло, 65х60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Красные пионы. 2006. Холст, масло, 65х70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Жасмин цветет. 2001. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Белгород.

Сирень. 2008. Холст, масло, 90х80. Собрание семьи Хегай.

Берёзы. 2000-е. Холст, масло, 65х70. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Сирень в корзине. 2010. Холст, масло, 76х69. Собрание семьи Хегай.

Натюр-морт (засохшие цветы). 2000-е. Холст, масло, 76x64. Собрание семьи Хегай.

Сирень. 2009. Холст, масло, 50x40. Собрание семьи Хегай.

Зима. 2009. Холст, масло, 85x65. Собрание семьи Хегай.

Утро. 2009. Холст, масло, 72x59. Собрание семьи Хегай.

Арбуз с дыней. 2009. Холст, масло, 70x80. Собрание семьи Хегай.

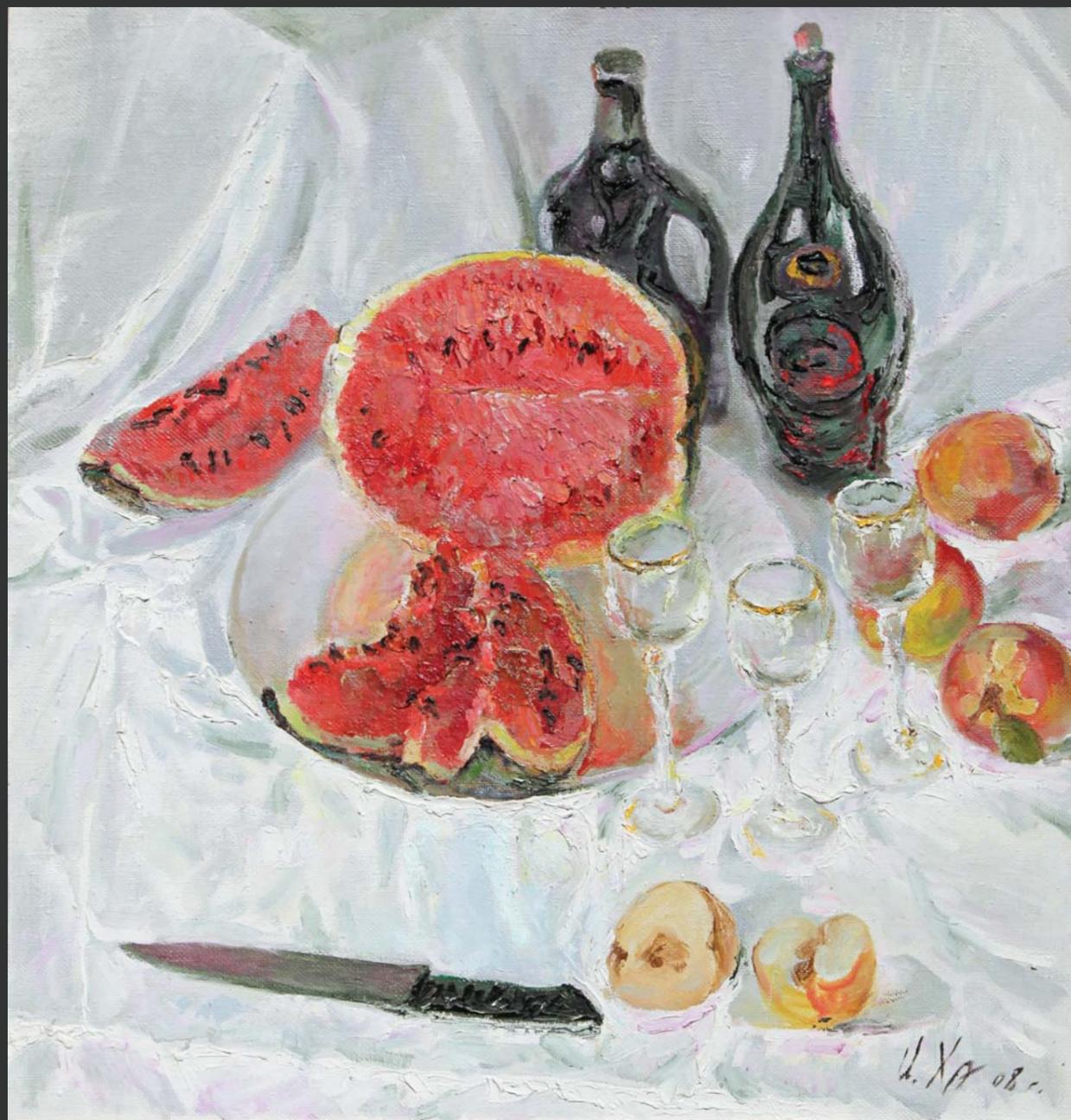
Сирень. 2009. Холст, масло, 90x90. Собрание семьи Хегай.

Цветущий сад. 2005. Холст, масло, 70х65. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Цветы. 2005. Холст, масло, 65х60. Частное собрание, г. Старый Оскол.

Натюрморт с арбузом. 2008. Холст, масло, 80x80. Собрание семьи Хегай.

Движение. 2010. Холст, масло, 99x79. Собрание семьи Хегай.

Груша цветёт. 2008. Холст, масло, 85х65. Собрание семьи Хегай.

Автопортрет. 2002. Холст, масло, 85х65. Собрание семьи Хегай.

Летопись жизни
и творчества Ильи Хегая

Натюрморт с яблоками (Памяти Эйфелга). 2009. Холст, масло, 100x100. Собрание семьи Хегай.

Летопись жизни и творчества Ильи Хегая

(материалы к биографии)

Дед Ильи Николаевича Хегая по отцовской линии был владельцем наследного поместья на юге Кореи, границы которого, по преданию, определялись слышимостью звучания колокола. В 1898 году, во время колонизации Кореи Японией, как и многие его соотечественники, он вместе с семьёй ушёл на север, в Россию, и поселился на Дальнем Востоке. Здесь, в небольшом корейском посёлке Шкотово, в 1900 году родился отец Ильи Хегая — Хе Сун-Чари. В годы Гражданской войны корейцы поддержали новую власть, отец Хегая примкнул к корейскому партизанскому отряду, после работал на Шкотовском лесопильном заводе, а после коллективизации — в сельхозартели им. Лазо. В 1927 году Хе Сун-Чари женился на дочери эмигранта из Пхеньяна Ким Дык-Си. В 1928 году у молодых родителей родился продолжатель рода Хегай — Илья (Илюза, как звала его мать).

1930 20 сентября родился Илья Николаевич Хегай — советский российский художник.

Илья Хегай. 1948 год.

В период первых выставок.

Друг Ильи Хегая, поэт Владимир Нешумов, в своей книге «Хроника жизни художника И. Н. Хегая», составленной на основе рассказов самого художника, приводит другую дату:

«Летом 1928 года в тогдашнем Дальневосточном крае РСФСР, между Владивостоком и Сучаном, на берегу бухты Чи-Мо-У залива Петра Великого Японского моря... в небольшом корейском посёлке на окраине городка Шкотово в семье переселенцев «из огня Кореи да в полях России», у молодых супругов, 28-летнего Сун Чари Хегая... и 20-летней Ким Дык-Си, родился первенец... Тут необходимо отметить, что с числом, месяцем и годом рождения Ильи Хегая путаница. Весной 1929 года ночью деревянный дом Сун Чари и Дык Си «неизвестно отчего» внезапно запылал... Сгорело всё: имущество, документы.., в том числе и «метрика» ребёнка.

По устному свидетельству матери, Илья родился, «...когда в огороде зацветает тыква, и картошка становится величиной с куриное яйцо». При получении паспорта в Караганде в 1948 году время рождения записали произвольно: 20 сентября 1930 года... Поэтому «по паспорту» Илья Николаевич Хегай моложе себя на два года».

Нешумов В. Хроника жизни художника И. Н. Хегая. — Старый Оскол, 2008. — С. 3.

1936 1 сентября Илья Хегай поступил в первый класс русской школы города Шкотова, здесь он проучился один год и полтора месяца.

1937 Осенью 1937 года в соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 г. в целях «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» семья Хегай была депортирована в Казахстан. В июле 1945 года по приказу Л. Берии в отношении корейцев статус «административно переселённых» был заменён статусом «спецпереселенцев», корейцы полностью потеряли право свободного передвижения, были ограничены в гражданских правах. В 1947 году корейцам было разрешено перемещение в пределах Казахской ССР, а с 1956 года — по всей территории СССР. Лишь в 1991 году с принятием Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» от 03.09.93 г. была провозглашена полная политическая реабилитация корейцев на территории нашей страны.

«Утром 15-го октября 1937 года к подворью Хегая подкатила «полупторка». Из кабины вышел некто в военной форме и огласил приказ: немедленно собираться, грузиться в машину, — на станции Озёрные Ключи ждёт эшелон. Заголосили женщины, собрались соседи <...> На станции... перегрузились в «телячий вагон», указанный распорядителем-начальником... Вечером сформированный эшелон в сопровождении красноармейской охраны, — «защиты от народного гнева», — двинулся... Куда? Никто ничего не знал. Военная тайна.

Везли через всю Сибирь больше месяца. Маленькому Илье дорога запомнилась грохотом колёс, плачем сестрёнки, долгими стояниями на каких-то неведомых безлюдных разъездах, бесконечными поисками воды и еды, боязнью потеряться, отстать от эшелона <...> К пункту конечного назначения прибли

в середине ноября. Выгружаться было приказано на маленькой ж. д. станции в ста километрах от Караганды, в степи. Шёл снег. Впервые увидели верблюдов. Увидели казахов, одетых в полушубки, ватные халаты, в лисьи треугольные шапки. Поняли — край суров, и грядущее зимой без припасов, без надёжного жилья... — темно и безотрадно. Повяло холодом, голодом, болезнями и смертью...

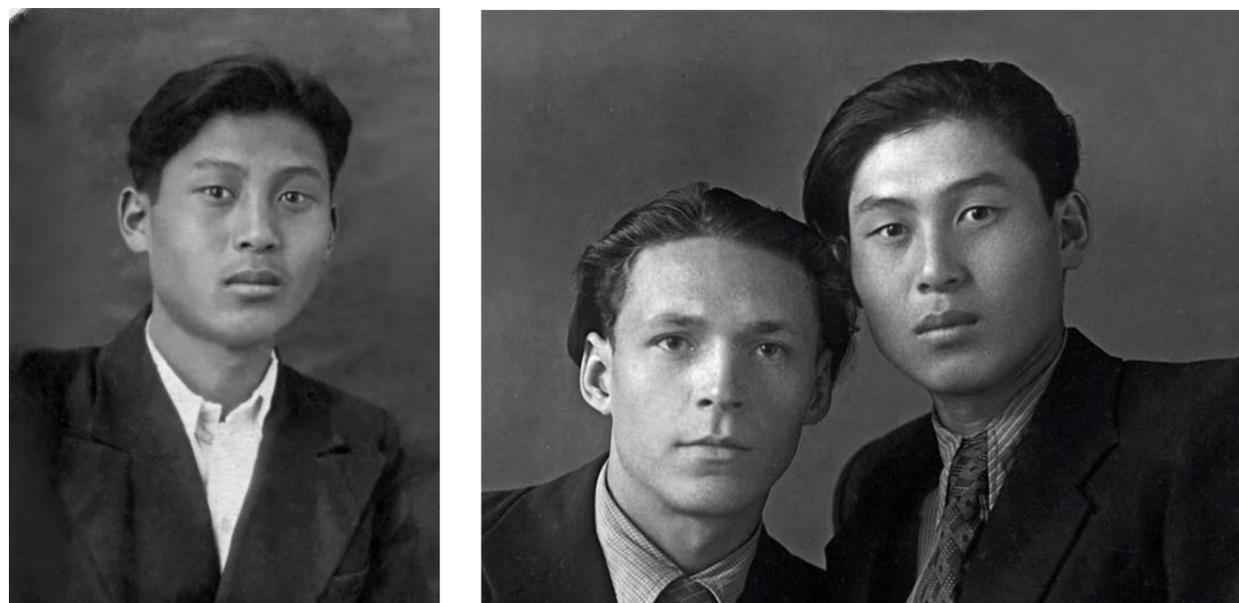
Грузовик остановился возле одного из чёрных прямоугольников, оказавшихся входом, ведущим вниз, вовнутрь зловонной землянки, полной блох и гнили, с земляным полом, с окнами в потолке. Засветили керосиновую лампу, затопили чугунную печку — «буржуйку»... принесли вещи, поужинали, стали ночевать. Утром огляделись: таких землянок... была целая улица — возле базара на окраине городка Горняков 3-го угольного разреза Сталинского района Караганды. Плоские дерновые кровли отстояли от уровня земли примерно на полметра. Бегая — резвясь, дети иногда проваливались ногой внутрь жилья... В этой землянке проведствовали двенадцать бесконечно долгих лет...»

Несумов В. Хроника... — С. 6.

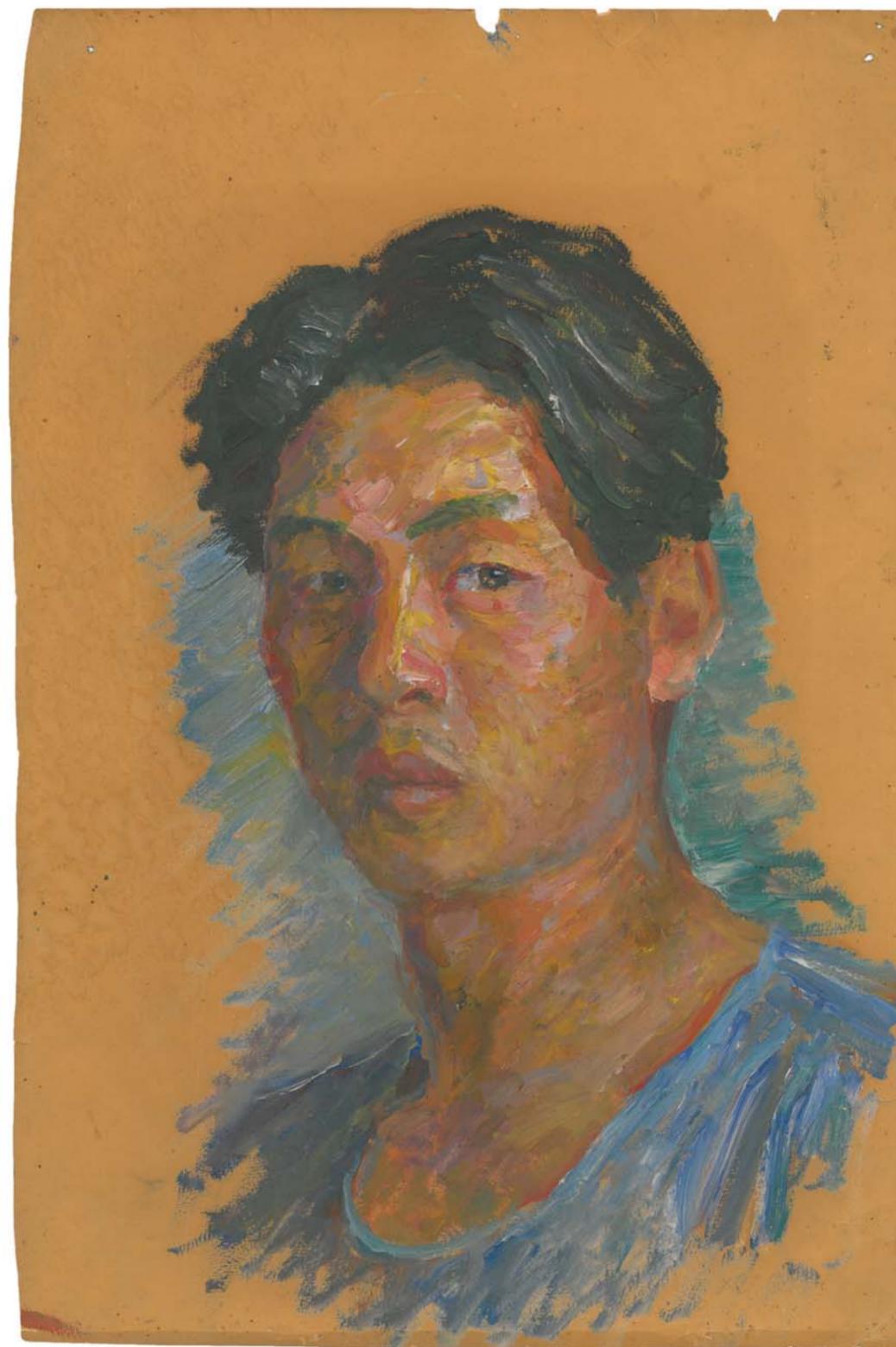
1939—1948 Осенью 1939 года Илья Хегай вновь пошёл в первый класс Карагандинской средней школы. В 1942-м школу пришлось бросить, возобновил учёбу после окончания войны, осенью 1945 года.

1948—1950 Получив среднее образование, в 1948 году Илья Хегай поступает в Алма-Атинское театральное-художественное училище им. Н. В. Гоголя по специальности «живопись». Однако по семейным обстоятельствам учёбу пришлось бросить. В 1950 году Хегай возвращается в Караганду.

Из интервью И. Н. Хегая: «Какие сильные были преподаватели-профессора. Кто-то из них был репрессирован, кто-то

Илья Хегай в годы учёбы в Алма-Атинском театральном-художественном училище.

Автопортрет. 1954—1956. Картон, масло, 40,5x27. Собрание семьи Хегай.

в войну эвакуирован из Москвы и Ленинграда. Мои наставники работали в классических традициях. Учили, что рисунок, акварель, гравюра должны быть ясными, чёткими и немногословными. Но Алма-Атинское художественное училище мне так и не пришлось закончить, пришлось расстаться с очень симпатичным преподавателем, уроженцем Харькова. Отсидел он в карагандинской тюрьме, ну а после освобождения преподавал нам живопись. С самим Циолковским был знаком Абрам Маркович. Его рассказы наши молодые умы очень волновали. Я жил в общежитии. Когда многих из армии уволили, молодые офицеры пришли учиться, а меня, как сына репрессированных родителей, из общежития выгнали... пришлось возвращаться в Караганду. А через два года я уже выставлял свои картины на республиканских выставках».

Куреева Е. «Со свечою-кистью у холста» // Зори. — 1998. — 15 сент.

1950—1956

Учёба в Карагандинской изостудии В. А. Эйферта.

Владимир (Вольдемар) Александрович Эйферт (1884—1960) — талантливый живописец, искусствовед. Окончив Государственные художественные мастерские в Астрахани, до 1923 года Эйферт работал в картинной галерее им. Б. М. Кустодиева. С 1929 года — учёный секретарь и член правления Третьяковской галереи, эксперт по антиквариату в торгпредствах Германии, Швеции, Австрии, Франции (1931—1935). С 1936 по 1939 год — директор ГМИИ им. А. С. Пушкина, с 1939 года Эйферт — председатель комитета закупочной комиссии по делам искусства Наркомпроса и эксперт-искусствовед Государственной Третьяковской галереи.

В сентябре 1941 года В. А. Эйферт, как и многие другие этнические немцы, был выслан из Москвы в глухую казахскую деревню. Лишь два года спустя, в 1943 году, благодаря вмешательству И. Э. Грабаря, В. А. Эйферту было разрешено перебраться в Караганду, где он организовал изостудию при клубе шахты

Начало 1960-х годов.

И. Н. Хегай и В. А. Эйферт с супругой.

С учениками в изостудии, г. Караганда.

им. Кирова. Всего за годы работы через изостудию Эйферта прошло около трёхсот человек, среди них художники Г. Гилевский, Н. Жирнов, Ю. Евсеев и др. Прожив в Караганде на поселении как спецпереселенец, В. А. Эйферт так и не вернулся в Москву.

В 1957 году он передал руководство изостудией И. Н. Хегая, а в 1960-м скончался на руках своего ученика.

1952

Первый крупный успех: работа молодого художника «Слёзы Кореи» была отобрана худсоветом на Республиканскую выставку в г. Алма-Ате. Всего за годы работы в Казахстане (с 1952 по 1969 год) Хегай принял участие в двенадцати различных выставках в нашей стране и одной Международной выставке художников Казахстана в Польше (сведения о многих из них утрачены).

1957—1960

После ухода В. А. Эйферта на пенсию И. Н. Хегай принимает руководство изостудией, устраивается на работу в Карагандинский художественный фонд.

1961—1963

Работает художником-оформителем мастерских Худфонда г. Караганды.

1963—1971

В 1963 году И. Н. Хегай перевёлся в филиал Карагандинского художественного фонда в г. Темиртау, где работал до 1971 года. Здесь Илья Николаевич получил от Худфонда собственную мастерскую, интенсивно работал, участвовал в зональных, областных выставках. Несколько работ этого периода были закуплены Алма-Атинской картинной галереей.

Из статьи искусствоведа И. Сумароковой: «Между увиденным и запечатлённым на полотне всегда лежит сложная работа мысли. Именно это... делает картину содержательной, обогащает внутренний мир зрителя. Такой печатью глубоких размышлений над жизнью отмечено творчество художника Ильи Хегая».

Живопись Ильи Хегая // Темиртауский рабочий. — 1966. — № 140 (25 нояб.)

1967 Первая персональная выставка в г. Алма-Ате (на выставке было представлено пятьдесят работ художника: живопись, графика).

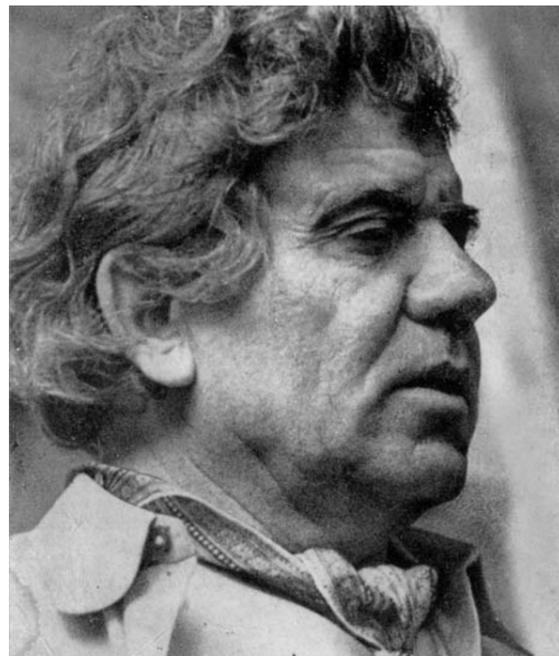
1968 Принят кандидатом в члены Союза художников СССР (членский билет выдан 12 февраля 1969 года).
Работа в Доме творчества в г. Паланге, знакомство с Виктором Попковым.

«...на творческой даче Союза художников в Паланге он познакомился с известным московским живописцем Виктором Попковым. Имея одинаковые взгляды на искусство, совершенно разные характерами и манерой письма, они сразу подружились, и дружба эта, взаимообогащающая двух художников, не прерывалась вплоть до трагической гибели Виктора Попкова. Приезжая в Москву, Илья всегда останавливался у Виктора в Брянском переулке, и беседам их, казалось, никогда не будет конца...»

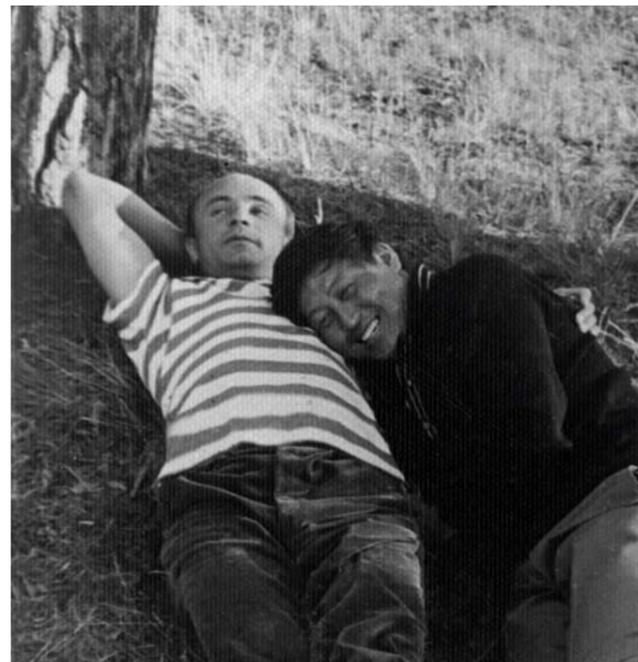
Неишумов В. Биография художника-живописца Ильи Николаевича Хегая (по август 1990 года): Рукопись. — С. 22.

1970 Принят в члены Союза художников СССР.
Участник Республиканской выставки к 100-летию В. И. Ленина, г. Алма-Ата (картина И. Н. Хегая «Письмо», экспонировавшаяся на этой выставке, была приобретена Рязанской художественной галереей). В этом же году Илья Хегай был награждён медалью «За доблестный труд» в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и Благодарностью в честь 50-летия становления советской власти в Казахстане и компартии Казахстана.

1971 По приглашению председателя Рязанского отделения Союза художников РСФСР Владимира Иванова Илья Хегай переезжает в г. Рязань, где живёт и трудится до 1973 года (художник-живописец творческой группы в художественно-производ-

Михаил Греку.

Виктор Попков и Илья Хегай.

ственных мастерских Рязанского отделения художественного фонда РСФСР). Три работы этого периода были приобретены Рязанским художественным музеем.

Участник областной выставки рязанских художников.
Работа в Доме творчества «Горячий ключ».

1972 Участие во Всесоюзной выставке «Земля и люди», ВДНХ (г. Москва).

Из советских газет: «Залы павильона «Советская культура» на ВДНХ СССР заняла тематическая художественная выставка «Земля и люди», организованная Союзом художников СССР, Министерством культуры СССР и ВДНХ. 140 художников представили более 160 произведений живописи, скульптуры и графики. Примечательная деталь: образно показан не только труд на самых различных участках сельского хозяйства, но и веки становления социалистического земледелия... Выставка имела большой успех. Её посетили десятки тысяч москвичей, гостей столицы и туристов из многих стран мира».

Беляков В. Хроника культурной жизни // Кавказская здравница. — 1972. — № 201 (12 окт.)

1974 По рекомендательным письмам Виктора Попкова молдавскому художнику Михаилу Греку и члену правления Союза художников Молдавской ССР Вячеславу Обуху Илья Хегай переезжает в Молдавию, живёт и работает художником-оформителем Художественного фонда МССР в п. Криково, позже — в г. Дубоссары.

В годы работы в Молдавии Илья Хегай сблизился с Михаилом Греку, оказавшим существенное влияние на формирование дальнейшего творческого почерка мастера.

«Михаил Греку сразу покорила Хегая теплотой приёма, простотой общения, причудливостью биографии и происхождения, богатством разносторонних знаний, своеобразием живописи... Илья почувствовал перед ним себя учеником, но уверенным в своих силах и готовым в будущем «посостязаться»...

Много давало ему сближение и общение с Михаилом Григорьевичем... старшим его по возрасту, оригинальных философских воззрений, знающим многие европейские языки, великолепным мастером цвета и формы. «Рисуешь ты, Илья, здорово! — говорил он Хегая, — пора бы уже и разучиваться...» Под влиянием Греку некоторая «графичность» прежних живописных работ Хегая уступила место «чистой колористичности», где он «нашёл себя»...

Неишумов В. Хроника... — С. 10.

1975 Участие в Республиканской выставке художников Молдавии в г. Кишинёве.

1979 В декабре 1979 года по приглашению первого секретаря Старооскольского горкома КПСС В. Н. Цыбугина И. Н. Хегай переезжает в г. Старый Оскол.

«Весной 1979 года Илья Хегай получил телеграмму от Николая Жирнова, члена Союза художников СССР, который в 50-е годы занимался вместе с ним в изостудии Эйфурта в Караганде, с приглашением приехать в гости в город Старый Оскол Белгородской области, куда бывший однокурсник «перевёлся» из Казахстана. Заинтригованный Илья Хегай приехал и узнал, что здесь, в Центрально-черноземной зоне РСФСР, между Вороне-

жем, Курском и Белгородом, на самом высоком месте Среднерусской возвышенности, ведётся разработка одного из богатейших месторождений железной руды Курской магнитной аномалии и строится Оскольский электрометаллургический комбинат... Бывший уездный городок, возникший около четырёхсот лет назад на пересечении торговых путей феодальной Руси, разрастался в индустриальный город, и местные власти... решили организовать в Старом Осколе филиал Белгородского художественного фонда...

Илье Николаевичу Хегая было вручено официальное письмо-приглашение... Интуиция художника подсказывала необходимость «крутого поворота», может быть, последнего, решающего в поиске «места под солнцем».

Магнитная аномалия притягивала...»

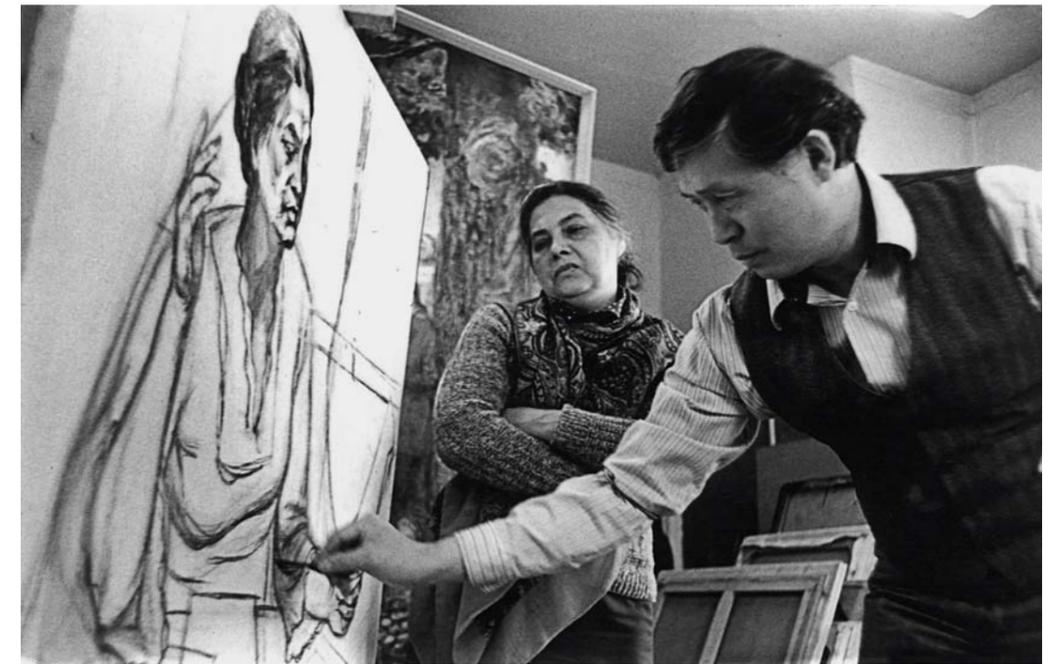
Неиумов В. Хроника... — С. 10.

1980 В 1980-е годы в интенсивном промышленном и гражданском строительстве в г. Старом Осколе были задействованы многочисленные иностранные специалисты — немцы, финны, болгары, итальянцы. Это отражалось и на культурном обмене. В архиве семьи Хегая сохранилась Почётная грамота художнику «За участие в художественной выставке, посвящённой 39-й годовщине социалистической революции в Болгарии» (Главная дирекция «Строительства НРБ в СССР», г. Москва), сведений об этой выставке обнаружить не удалось.

1982 Участник XIII областной художественной выставки (были представлены три работы — «Цветы», «Натюрморт», «Индустриальный пейзаж»), г. Белгород.

Старооскольские художники: Илья Хегай, Владимир Болдырев, Валерий Гольцев, Павел Шляпников, Иван Шкредов. Начало 1980-х годов.

За работой над портретом Леры Абдуллиной.

Из вступительной статьи искусствоведа Л. Минаковой к каталогу выставки: «...«местную тему» освоения железорудных богатств Белгородчины... эмоционально, с помощью гармонии цветовых сочетаний, активной фактурой холста истолковал в своём «Индустриальном пейзаже» И. Хегай».

1984 Участие в городской художественной выставке, посвящённой первой промышленной плавке в дуговой сталеплавильной печи ОЭМК (г. Старый Оскол).

Из воспоминаний Надежды Кравченко: «Первый раз я увидела его картины в 1984 году. На выставке в городском Доме культуры экспонировались работы многих художников. На следующий день пошла туда вместе с Лирой Абдуллиной, было интересно узнать её мнение. Не сговариваясь, мы отметили для себя картины Ильи Хегая «Хлеб», «Взрыв» и «Свидетель».

Почему именно хегаевские картины привлекли наше внимание, почему запали в душу? Одна из причин лежала на поверхности. Выставку приурочили к пуску какого-то цеха ОЭМК, и было много портретов передовиков-металлургов, почему-то очень похожих друг на друга. Были всевозможные, будто сфотографированные, виды Лебединского и Стойленского карьеров. Никакой работы ни уму, ни фантазии зрителя здесь не предвиделось.

А вот хегаевский «Взрыв» останавливал многих: сквозь чёрно-фиолетовые мазки пробивался столб-мощный, злобный, вот-вот он всё сметёт на пути. Но всмотревшись повнимательней, поймёшь, что победит не это чудовище, а старое дерево с молодыми зелёными побегами, глубоко в землю пустившее свои корни. Чёрные силы и вечная жизнь — так воспринималась эта картина-символ...

Вскоре после выставки мы познакомились с Ильёй Николаевичем Хегаем. И подружился. Что это были за времена!..

Нашей дружбе мы знали цену,
Только дело не в цене,
Наши нервы, как антенны,
На одной сплелись волне.

Это напишет Лира об Илье Хегая, посвятив ему три стихотворения».

Кравченко Н. Художник Хегай // Октябрьские зори. — 1989. — 1 окт.

Середина 1980-х годов — время знакомства И. Н. Хегая с людьми, дружба с которыми украсила многие годы: это журналисты Н. П. Кравченко и В. Д. Железников, переводчики Т. М. Бергер и В. М. Болотских. Среди самых близких друзей следует назвать поэтов Лиру Абдуллину и Владимира Нешумова (в этот круг общения входили и «заезжие гости» — акварелист Виктор Афанасьев, композитор Алмаз Монасыпов, скульптор Федот Сучков, писатели Рустем Кутуй, Евгений Попов, Роман Солнцев и др.)

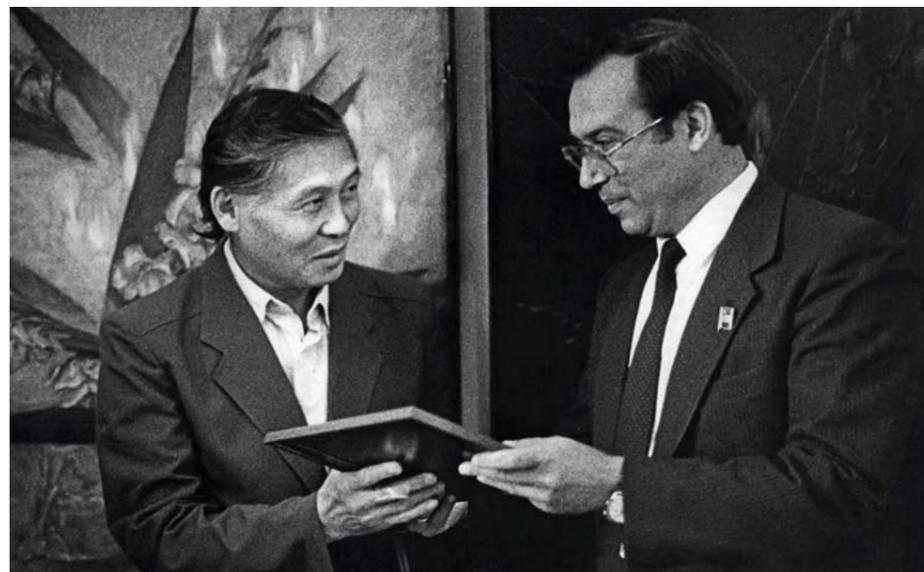
Чуть позже состоялось знакомство Ильи Хегая с семьёй Брыжик. Будучи директором Старооскольского цементного завода, а позже — управляющим Старооскольского отделения Сбербанка, А. В. Брыжик оказывал художнику серьёзную поддержку в организации и проведении выставок в Германии и Москве, предоставлял выставочные площади в Старом Осколе. После ухода из жизни Анатолия Васильевича усилия по популяризации и сохранению творческого наследия художника взяла на себя Татьяна Григорьевна Брыжик.

1985 Участие в XIV областной художественной выставке белгородских художников, посвящённой 40-летию Победы, г. Белгород (картину И. Н. Хегая «Ожидание», представленную на выставке, приобрёл Белгородский художественный музей).

Первая персональная выставка в г. Старом Осколе, посвящённая 30-летию творческой деятельности художника.

На пороге мастерской.

И. Н. Хегай и И. Н. Жихарев, первый секретарь Старооскольского ГК КПСС.

«...в Доме культуры «Горняк» уместилось полсотни работ. Это портреты, пейзажи, натюрморты, жанровые картины, поражающие смелостью и страстью, с которой Хегай ищет новое в окружающей реальности и адекватный этой реальности пластический язык. Даже человек, абсолютно не подготовленный к восприятию живописи, получит достаточно сильный эмоциональный толчок, а человек компетентный может оценить целостность и самобытность художника. Главными ориентирами творчества Хегая являются изначальные ценности искусства — человек, природа, реальный предметный мир с неповторимым отношением к ним самого художника...»

Хегай может быть грустным, весёлым, ироничным, жизнерадостным и даже трагичным, но он постоянно и непременно утверждает истину человеческого существования — силу и бессмертие красоты».

Абдулина А. Пятьдесят откровений (Рассказ о художнике и его картинах) // Белгородская правда. — 1985. — (28 дек.) № 298.

1986 Участник выставки «Художники Белгорода» в г. Москве. Персональная выставка в г. Белгороде (40 работ).

Из вступительной статьи члена Союза художников СССР, Заслуженного художника РСФСР А. Мамонтова к каталогу выставки: «Живопись И. Хегая — это откровение и чистота чувств. Он прекрасно чувствует гармонию цвета, живописную пластику, образное состояние того, о чём пишет. Наиболее впечатляют его натюрморты. Небольшие по размеру, они согреты теплом солнца и добротой кисти художника. Цвет как бы расплавляется, останавливаясь в наиболее «ударных» местах. И. Хегай — добрый художник, и его искусство несёт зрителям эту доброту».

1987 Участник двух зарубежных выставок: «Художники Белгорода» в г. Ополе (Польша) и выставки «Произведения советского искусства» в г. Хельсинки (Финляндия).

1989 20 сентября, в день рождения художника, в Старооскольском художественном музее открылась вторая персональная выставка в г. Старом Осколе. Музеем были закуплены шесть картин Ильи Хегая — «Лира», «Оскольская зима», «Сирень», «После дождя», «Храм», «Ожидание».

Из вступительной статьи искусствоведа В. Черкашина к каталогу выставки: «Одна из черт живописи И. Н. Хегая — метафоричность. От предыдущих художественных эпох в качестве универсального символа перешёл в искусство XX века образ Мирового древа — модели Вселенной. В творчество Ильи Хегая этот образ вошёл органично, без натуги и лишних литературных ассоциаций. При всём многообразии тем и жанров (портрет, пейзаж, натюрморт), к которым обращается художник, деревья в его полотнах — это выражение упорядоченности, причинно-следственной обусловленности мира, который творит художник на холсте. Между окружающим художника миром и миром его полотен есть связь, но нет прямого фотографического зеркального отражения. Между ними — художник, с его чуткой душой, отзывавшийся на все потрясения и перемены, происходящие в нашем беспокойном мире».

1990 В 1990-е годы И. Н. Хегай избирался в состав областного выставочного комитета, а также в ревизионную комиссию Белгородского отделения Союза художников.

Юбилейная персональная выставка, посвящённая 60-летию художника, г. Белгород. На выставке было представлено 100 работ Ильи Хегая.

Выставка в Зальциттере. 1991 год.

Открытие выставки в Зальциттере.

Организаторы выставки: Владимир Нешумов, Бродер-Генрих Христиансен и Анатолий Брыжик.

На закрытии выставки художник Г. Гридчин сказал: «После этой выставки я два дня не мог работать. Метался по мастерской, все мои работы казались серыми после буйства цвета у Хегая. Право слово, краски у него волшебные. Что он с ними делает? Алхимия какая-то!»

Цит. по: Кравченко Н. Волшебные краски Хегая // Зори. — 1990. — 17 нояб.

В Старом Осколе состоялся юбилейный творческий вечер И. Н. Хегая, который посетили почитатели таланта художника из России, Германии, Финляндии, Болгарии.

1991 Персональная выставка «Ilja Hegaj ein Künstler aus Staryj Oskob» в г. Зальциттере, Германия (было представлено 45 живописных полотен, созданных с 1978 по 1991 год). Решение организационных вопросов по проведению выставки взял на себя В. В. Нешумов, финансовое обеспечение проекта — акционерное общество «Осколцемент».

Из вступительной статьи к каталогу выставки доктора Бродера-Генриха Христиансена: «Картины Хегая могут быть для зрителей, знакомящихся с ними, неудобными. Слишком долго следует всматриваться в картину, чтобы понять её. Но не говорит ли это в пользу картин? Не возвышаются ли они тем самым намного над большей частью картин, содержание которых распознаётся с первого взгляда или идея которых угадывается сразу же? К посетителям выставки будут ставиться высокие требования. Они должны быть в состоянии вступить в немой диалог с символикой картин. Это не выставка, на которую могут прийти уставшие от трудового дня люди и бегло ознакомиться с ней, чтобы понять её. Символика некоторых картин настолько увлекает посетителя, что он в своём внутреннем течении отдыхает от повседневной жизни».

1992 Согласно приказу главы администрации г. Старого Оскола И. А. Гусарова № 541 от 20 мая 1992 г. администрация города передала в дар муниципалитету г. Зальциттера две картины И. Н. Хегая («Гладиолусы», «Берёзы»).

При спонсорской поддержке акционерного общества «Осколцемент» в августе 1992 года с успехом прошла персональная выставка в г. Химки. На выставке было представлено 80 работ художника.

Из книги отзывов выставки в г. Химки:

Писатель Евгений Попов: «С превеликой радостью я познакомился с работами Ильи Хегая, о котором так много слышал и чьи картины я видел лишь в репродукциях. Ещё раз убеждаюсь — не местонахождением или «пропиской» определяется настоящий художник, а тем, что он умеет делать, тем, что у него в душе. И в этом смысле он всегда вне времени и пространства».

Режиссёр Эдуард Ливнев: «Я думаю, что в России осталось до боли мало таких уникальных талантов, каковым является И. Хегай! Как бы сберечь его дар, как бы воздать ему по заслугам, не в смысле орденов и званий, а всенародно признать его чрезвычайную важность для Отечества! Сбудется ли?!?!»

По рекомендации научных сотрудников Государственной Третьяковской галереи коммерческий банк развития «Промрадтехбанк» закупил четыре картины И. Н. Хегая, представленных на выставке в г. Химки — «Лик эпохи», 1990; «Дыня», 1990; «Яблоки», 1988; «Осень», 1991. В том же году эти работы были включены в состав экспозиции «Коллекция Промрадтехбанка» в театре на Таганке, г. Москва.

Выставка в Химках возымела ещё одно интересное последствие: её посетили представители посольства Республики Корея в России и члены международной корейской ассоциации стран СНГ, в результате И. Н. Хегай получил приглашение участвовать в международной художественной выставке, запланированной в Республике Корея.

1993

Участие в трёх зарубежных выставках: выставке произведений художников России в г. Мюнхене; выставке «Художники Белгорода» в г. Херне (Германия); выставке произведений художников-корейцев, живущих в странах СНГ, в рамках Международной выставки «ЭКСПО-93» в г. Теджон (Республика Корея) — здесь были представлены три работы: «Сирень», 1992; «Последний снег», 1992; «Старый лес», 1992.

Илья Хегай с семьёй на открытии персональной выставки.

Участник выставки «Коллекция Промрадтехбанка», ЦДХ (г. Москва).
Персональная выставка в г. Старый Оскол, посвящённая 400-летию города.

1994 Во время официального визита в Москву президента Республики Корея Ким Ён Сама Илья Хегай был приглашён на президентский приём в посольство (в числе приглашённых российских корейцев были выдающиеся деятели культуры — лауреат Государственной премии СССР академик Яков Угай; легендарная гимнастка, пятикратная олимпийская чемпионка Нэлли Ким; писатель Анатолий Ким). Высоко оценив творчество художника, президент Ким Ён Сам вручил Хегая именным наручными часами, ответным подарком президенту стала картина Ильи Николаевича.

Участник выставки художников России «Золотая кисть», ЦДХ, г. Москва (экспонировался «Портрет Верь», 1990).

1995 Персональная выставка, посвящённая 50-летию Победы, г. Старый Оскол.
Персональная выставка в г. Белгороде.

1996 Персональная выставка в Старооскольском театре для детей и молодёжи (десятая в творческой биографии художника).

1997 По приглашению президента Республики Корея в феврале 1997 года Илья Хегай побывал в числе делегатов от России на Всемирном фестивале корейцев в Сеуле. Однако поездка на историческую родину принесла разочарование, вот что пишет об этом Владимир Нешумов:

«Старокорейский язык, на котором разговаривали его бабушка, отец и мать, никто не понимал. Смог он пообщаться без переводчика только с потомком эмигрантов, приехавшим из Бразилии. Всё — чужое. «В душе не шевельнулось ничего». Идея выставки на исторической родине «засохла на корню». Повсюду засилье бизнеса и политики... Погостевал — вернулся».

Нешумов Вл. Хроника... — С. 12.

Персональная выставка в г. Радеберге, Германия.

1998 Имя художника Ильи Хегая включено в каталог «Всемирная энциклопедия художников: Художники мира всех времен и народов» — «Allgemeines

Надежда Кравченко, Владимир Нешумов, Илья Хегай и Юрий Помельников.

На выставке в Старооскольском художественном музее.

Персональная выставка. 1996 год.

Künstlerlexikon» (AKL), выходящий с 1992 года в издательстве SAUR (Мюнхен, Лейпциг) и являющийся самым обширным и авторитетным изданием о художниках всего мира.

Участник юбилейной выставки, посвящённой 30-летию создания Белгородской организации Союза художников России, г. Белгород.

Персональная выставка, г. Старый Оскол.

1999 Участник выставки «Художники Белгорода», г. Брянск.

2000 Участник Всероссийской выставки «Имени твоему...», посвящённой 2000-летию Рождества Христова, ЦДХ, г. Москва. На этой выставке были собраны лучшие произведения членов Союза художников, созданные за уходящий век, начиная с работ П. Кончаловского, М. Нестерова, А. Пластова, А. Дейнеки и др. В экспозиции было собрано более 3000 произведений, представляющих все виды и жанры изобразительного искусства.

2002 Участник Межрегиональной выставки «Россия молодая» (г. Брянск), а также выставок белгородских художников в Москве и Санкт-Петербурге.

В 2002 году по инициативе А. В. Брыжика в зимнем саду Старооскольского отделения Сбербанка состоялась тематическая выставка живописи Ильи Хегая «Татьянин день» (Татьян в окружении художника оказалось немало — Татьяна Хегай (жена), Татьяна Брыжик, Татьяна Артегова, Татьяна Нешумова...) Праздник сразу превратился в одну из культурных традиций Старого Оскола: открытие выставки неизменно сопровождается концертом преподавателей и учащихся музыкальных школ города, а сам «Татьянин день» становится красивым поводом для встреч. С 2006 года традицию проведения выставки работ И. Н. Хегая «Татьянин день» поддерживает Старооскольский художественный музей.

2003 Персональная выставка портретной живописи «Гатьянин день», Сбербанк, г. Старый Оскол (было представлено 40 живописных портретов, 20 из которых были написаны художником за последний год).

Персональная выставка в Белгородском художественном музее, посвящённая 75-летию художника (третья в Белгороде).

Из статьи искусствоведа Н. Мельниковой: «Когда смотришь произведения И. Хегая, поражаешься чуткости к внутреннему миру изображаемых им женщин и детей... Создаётся ощущение, что именно нежность, хрупкость, незащищённость женщины дают художнику импульс для творчества. На некоторых картинах человека окружает гораздо более материальная, чем он сам, «оболочка» — в ней больше рельефности, цвета. А человек внутри неё — воздушный, почти бесплотный, как девушка на картине «Невеста». И язык не повернётся назвать женские образы в «Портрете Нелли (Грёзы)» или «Портрете Веры» просто моделями. Светоносные фигуры (особенно в «Грёзах») живут каждая в своём мире, и художник пытается, насколько возможно, приблизиться к постижению этих миров».

Мельникова Н. Мир глазами Хегая // Белгородские известия. — 2003. — № 132 (12 авг.)

2004 Персональная выставка «Гатьянин день», посвящённая памяти жены художника Татьяны Хегай, г. Старый Оскол.

Из статьи Т. Г. Брыжик «Жена художника»: «Её сдержанность и скромность притягивали к себе, не хотелось быть при ней шумным, раскованным, броским. Это было невозможно. Она относилась к людям, вокруг которых растекается нравственное поле, и её оценки складывались по простым, добрым критериям. Самым важным для неё были семья, живопись мужа, здоровье детей и внуков».

Брыжик Т. Жена художника // Зори. — 2004. — № 49 (29 мар.)

Участник выставки «Белгородские художники», выставочный зал «Замоскворечье», г. Москва.

Участник выставки, приуроченной к Дням корейской культуры в г. Воронеже (совместная выставка живописи Ильи Хегая и работ воронежского скульптора Эльзы Пак), концертный зал «Апекса», г. Воронеж.

2005 Персональная выставка, Дом архитекторов, г. Воронеж.

2007 Персональная выставка в Старооскольском художественном музее. Участие в выставке «Художники Белгорода», г. Харьков (Украина).

2008 Выставка «Жить в веках» в Старооскольском художественном музее. Участник юбилейной выставки к 40-летию Белгородского отделения Союза художников России, г. Белгород.

Творчеству художника посвящён раздел в альбоме «Художники земли Белгородской» (Белгород: ЛитКараВан, 2008).

Имя Ильи Хегая включено в каталог «Художники Белгородчины: XX век (Краеведческий библиографический указатель)» (Белгород: БИЦ БГУНБ, 2008).

Старооскольский художественный музей опубликовал книгу В. В. Нешумова «Хроника жизни художника И. Н. Хегая» (Старый Оскол, 2008).

Илья Хегай и Владимир Нешумов во дворе Старооскольского художественного музея. 2007 г.

2009 Участник выставки произведений-номинантов на премию Центрального Федерального округа в области литературы и искусства, Российская академия художеств, г. Москва (экспонировались «Корзина с яблоками» (Памяти Эйферта), «На-тюрморт», «Сирень»).

Участник областной выставки к 40-летию Белгородского отделения Союза художников России, г. Белгород.

Персональная выставка в Старооскольском художественном музее.

Творческий вечер художника и выставка «Моя любимая картина» в Старооскольском театре для детей и молодежи.

«В жизни каждого иногда происходят такие встречи, от которых не просто восстанавливается равновесие, но человек заряжается позитивной энергией, заставляющей творить, зажигать других. К разряду таких я отношу встречи интеллигенции города с талантливым живописцем, незаурядным человеком Ильёй Хегаем».

Болдырева В. Магический кристалл Ильи Хегая // Зори. — 2009. — 14 нояб.

2010 Участник Областной выставки Белгородского отделения Союза художников России, г. Белгород.

Три персональные выставки: персональная выставка во Дворце культуры «Форум», (г. Губкин); персональная выставка «Я люблю тебя, жизнь» в Старооскольском художественном музее; юбилейная персональная выставка к 80-летию со дня рождения художника, выставочный зал «Родина», г. Белгород (было представлено около 100 работ художника с 1969 по 2010 год). Юбилейные дни Ильи Николаевича встретил в окружении сына, трёх дочерей и четырёх внуков.

В 2010 году И. Н. Хегай отмечен наградным знаком Союза художников России «Духовность. Традиции. Мастерство» и Почётной грамотой губернатора Белгород-

ской области Е. С. Савченко «За значительный вклад в развитие и популяризацию изобразительного искусства Белгородской области».

2011 11 апреля 2011 г. — выставка одной картины: «Варлам Шаламов», СТИ НИТУ «МИСиС», г. Старый Оскол.

Илья Николаевич Хегай умер 13 апреля 2011 года.

Из некролога: «Есть в произведениях художника Ильи Хегая та необходимая человеческая мера, которая заставляет соизмеряться с его произведением. Его картины невозможно «присвоить взглядом», «примерить» к готовому интерьеру. Если вы придёте на его выставку просто «потреблять» духовную пищу, вы будете, возможно, даже разочарованы. Неспешно, несуетно, от картины к картине ведёт свои раздумья художник, побуждает к размышлению и нас. И если мы «расслышим» его приглашение к сотворчеству, его картины не останутся для нас безмолвными».

Ртищева З. Памяти мастера // Вечерний Оскол. — 2011. — 15 апр.

С 2012 года в Старооскольской детской художественной школе проводится ежегодный городской конкурс детского рисунка «Памяти художника Ильи Хегая».

30 января 2014 года решением Совета депутатов Старооскольского городского округа № 153 «О присвоении мемориальных наименований» одной из улиц города Старого Оскола присвоено название «Улица Ильи Хегая».

Составитель: Л. Н. Антилова

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Угаров. Вступительное слово.	5
В. В. Нещумов. Художник-живописец Илья Хегай.	6
Л. Н. Антилова. Траектории творчества Ильи Хегая.	11
Живопись.	29
Летопись жизни и творчества Ильи Хегая (материалы к биографии).	197

Илья Хегай. Живопись: альбом.

Старый Оскол, 2015 г.

Составители: А. Н. Анпилова, Н. В. Стахурская.

Руководитель проекта: М. В. Каширин.

Текст: В. В. Нешумов, А. Н. Анпилова.

Дизайн, макет, компьютерная вёрстка: Н. В. Стахурская.

Фотосъёмка картин и этюдов—В. А. Воронов, Н. В. Стахурская, К. С. Кнышев, А. А. Белашов.

Корректор: Т. И. Карапетян.

Сдано в набор 2.03.2015. Подписано в печать 25.06.2015

Формат 210x280. Бумага 150 г/м³ мелованная матовая.

Тираж 700 экз.

Гарнитура Garamod. Печать офсетная.

Отпечатано: ЗАО «Белгородская областная типография»

Адрес: Россия, 308002, г. Белгород,
пр. Б. Хмельницкого, 111 а, тел. 26-25-63

U. H.